

МАЙАРАНА
МИСТЕРУ

Майарана Мистеру

**Попаданка в беременную
жену дракона**

«Литнет»

2025

Мистеру М.

Попаданка в беременную жену дракона / М. Мистеру —
«Литнет», 2025

СКИДКА 10% по промокоду НОВИНКА26Какого черта?! Минуту назад я была Дашей, а теперь – какая-то Тиана, жена дракона, которую только что вытащили из ледяной реки! И этот самый «муж» с глазами убийцы тут же заявляет, что прикончит меня сам, потому что я, видите ли, пыталась утопиться, будучи беременной! Беременной! Я?! А эта «любящая» сестричка, от сладости которой зубы сводит! А потом этот благородный дракон тащит меня в храм, чтобы заклеить, как последнюю тварь, и вышвырнуть на край света! Думаете, это дно? Ха! Это еще цветочки!

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	11
5	13
6	16
7	18
8	20
9	22
10	24
11	26
12	29
13	31
14	33
15	35
16	37
17	39
18	40
19	42
20	44
21	46
22	48
23	50
24	52
25	54
26	57
27	59
28	61
29	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

1

Все авторские права на книгу защищены Законом Российской Федерации от 09.07.2023г N 5351-1(ред. от 20.07.2004) «Об авторском праве и смежных правах». Любое использование авторского контента, включая отдельные фрагменты на иных ресурсах без согласия автора, запрещено.

Вода. Холодная, зараза. И много. Слишком много. Легкие горели так, будто я решила устроить в них крематорий для собственных надежд. А ведь еще пару минут назад... стоп. Что было пару минут назад? Голова – чугунный котелок, в котором вместо каши булькает мутная жижа из обрывков мыслей и паники.

Я пыталась кашлять, но вместо этого только глотала новую порцию ледяной гадости. Руки-ноги отказались слушаться, превратившись в бесполезные макароны. Ну, все, Даша, доплавалась. Иронично, что после всего, что было *там*, помереть вот так, в какой-то грязной луже... или это речка? Озеро? Да какая, к черту, разница, если ты идешь на дно быстрее, чем акции МММ в свое время.

Внезапно чьи-то сильные руки подхватили меня под мышки, рывком выдергивая из цепких объятий водяного царства. Воздух! Какой же он... колючий. И вонючий. Чем-то вроде мокрой псины и... еще чего-то, незнакомого, терпкого.

Меня бесцеремонно швырнули на что-то твердое и мокрое. Земля? Берег? Я закашлялась, выплевывая воду и остатки собственного достоинства. Перед глазами все плыло, но сквозь мутную пелену проступило лицо. Мужское. И, надо признать, впечатляющее. Даже в таком состоянии я не могла не отметить резкие, почти хищные черты, темные волосы, прилипшие ко лбу, и глаза... Ох, эти глаза. Серые, как грозовое небо перед хорошим таким ливнем с градом. И смотрели они на меня так, будто я не просто тонущее недоразумение, а таракан, которого бы он с наслаждением прихлопнул тапком.

– Достаточно попросить, Тиана, – пророкотал этот тип таким голосом, что у меня мурашки по коже побежали, обгоняя друг друга. – И я сам тебя убью. Избавлю от лишних хлопот с мокрыми процедурами.

Тиана? Какая еще Тиана? И почему этот красавчик с замашками инквизитора так жаждет моей смерти? Может, я ему денег должна? Или дорогу перешла, когда он на своем... эм-м-м... коне скакал?

Фантазия услужливо подкинула картинку его на вороном жеребце, в развевающемся плаще. Тьфу, Дашка, совсем с катушек съехала от недостатка кислорода.

Не успела я сформулировать хотя бы один из своих многочисленных вопросов, как рядом возникла еще одна фигура. Женская. Вся такая воздушная, в светлом платье, которое, правда, слегка подмокло по подолу. Волосы – выбеленный лен, глаза – голубые, как майское небо. И лицо... ангельское.

– Ох, Тиана, милая! – заворковала она, картинно прижимая руки к груди. – Ну зачем же ты так? Если о себе не думаешь, то хоть о ребеночке подумай! Как же можно было... в воду...

Ребеночек? Какой, к лешему, ребеночек?! У меня после... Стискиваю зубы, отгоняю воспоминания... никаких ребеночков быть не могло, и уж тем более я бы не стала с ним сигать в воду. Мои мозги, и так едва державшиеся в куче, кажется, решили устроить забастовку.

Я попыталась что-то сказать. Может, спросить, какого черта тут происходит, и не завезли ли им в их местную психушку свежую партию галоперидола. Но из горла вырвался только хриплый стон. Тело ломило, голова раскалывалась, а перед глазами снова начало темнеть.

Последнее, что я помнила, это как серые грозовые глаза этого... Конарда (кажется, блондинка так его назвала, или мне послышалось?) сверкнули еще более недобрым огнем, а потом мир окончательно погас, оставив меня с ощущением, что я влипла. Влипла так, как не влипала еще никогда в своей не слишком длинной, но определенно насыщенной событиями жизни.

2

Пришла в себя я от того, что кто-то настойчиво... щебетал. Вот именно щебетал, как канарейка, которой пообещали тройную порцию проса. Голова все еще была чугуновой, но хотя бы не раскалывалась на тысячу маленьких Дашенят. Я осторожно приоткрыла один глаз, потом второй.

Потолок. Высокий, с какой-то витиеватой лепниной, изображающей пухлых амурчиков, гоняющихся друг за другом с луками наперевес. Ну, хоть не сырая земля и не общество типа с замашками маньяка. Уже прогресс. Я лежала на чем-то мягком. Очень мягком. Перина, не иначе. И укрыта была чем-то шелковым и прохладным. Роскошь, да и только. Не иначе как в предбанник рая попала. Хотя, судя по предыдущей сцене у водоема, скорее уж в приемную к Люциферу.

– ...и лекарь уже осмотрел ее, милорд, – продолжал разливаться соловьем знакомый ангельский голосок. Тот самый, что кудахтал про ребеночка. Блондинка, значит. – Сказал, слава богам, с ребенком все в порядке, лишь небольшое переохлаждение у леди Тианы. Но вы же знаете, какая она хрупкая...

Леди Тиана. Опять эта Тиана. Да кто она такая, эта ваша Тиана, и почему я должна за нее отдуваться? И какой, к черту, ребеночек, если я... Стоп. Рука сама собой метнулась к животу. Плоский. Как и был всегда, если не считать последствий обильных новогодних застолий. Никаких признаков беременности. Может, у них тут ребеночки в капусте находятся или аисты приносят прямо в готовом виде, завернутых в пеленки с рюшечками?

Дверь скрипнула, и в комнату вошел Он. Тот самый тип с грозowymi глазами и желанием отправить меня на тот свет экспресс-доставкой. Теперь он был сух, одет в какую-то темную, богато выглядящую одежду, которая, впрочем, ничуть не смягчала его хищного облика. Скорее наоборот, подчеркивала. Он двигался плавно, как большая кошка, и от него исходила такая аура... опасности, что у меня волосы на затылке попытались встать дыбом, несмотря на то, что были мокрыми и, скорее всего, напоминали воронье гнездо после урагана.

Блондинка тут же радостно улыбнулась и вцепилась в его локоть.

– Милорд Конард, она очнулась! – пропела эта канарейка.

Конард. Значит, не послышалось. Этот ходячий кошмар действительно Конард. Он удостоил меня таким взглядом, что я почувствовала себя букашкой под микроскопом. Причем букашкой, которую сейчас раздавят, предварительно оторвав лапки.

– Вижу, – его голос был все таким же низким и рокошущим, как камнепад в горах. Он подошел к кровати и навис надо мной, заслоняя свет от окна. – Надеюсь, представление окончено, Тиана? Или ты планируешь еще какие-нибудь эффектные способы самоустранения? Река, яд, прыжок с башни? Могу предложить свои услуги в качестве ассистента.

Вот же... хамло трамвайное! Нет, ну каков, а? Я тут, можно сказать, жизнь свою едва не отдала два раза, а он мне про ассистента в суициде! Внутри закипела злость, такая горячая и привычная, что даже немного оттеснила страх и растерянность.

– А ты, я смотрю, большой специалист по этой части, – прохрипела я, потому что голос еще не до конца восстановился. – Коллекционируешь способы? Или это у тебя профессиональное, в рамках должностных обязанностей – доводить женщин до ручки, а потом предлагать помощь в избавлении от страданий?

Он замер. Кажется, мои слова стали для него неожиданностью. Брови медленно поползли вверх, а в серых глазах мелькнуло что-то похожее на... удивление? Или это мне показалось? Блондинка рядом ахнула, прикрыв рот ладошкой.

– Я уже вызвал своего лекаря, – медленно проговорил Конард, не сводя с меня тяжелого взгляда. – Он осмотрит тебя еще раз. И если он подтвердит... то, в чем я и так не сомневаюсь...

то наш брак будет немедленно расторгнут. А ты... – он сделал паузу и на миг стиснул зубы, – ты отправишься туда, где тебе самое место. Подальше отсюда.

Брак? Расторгнут? Да я только за! Я этого мужика вижу первый раз в жизни (ну, второй, если считать сцену у воды), и уже готова бежать от него на край света, лишь бы не видеть эту высокомерную физиономию и не слышать его бархатный рык.

– Замечательно! – выдавила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более язвительно. – А можно побыстрее с лекарем? А то у меня, знаешь ли, от твоего гостеприимства уже зубы сводит. И, кстати, куда там меня отправят? Надеюсь, с видом на море и ол инклюзив? А то после таких потрясений мне положена моральная компенсация. И побольше.

Глаза Конарда сузились, превратившись в две ледяные щелочки. Кажется, моя дерзость его не просто удивила, а взбесила. Ну и отлично. По крайней мере, скучно с ним не будет. Если, конечно, он меня раньше не придушит. А такое желание, судя по его лицу, у него явно присутствовало.

3

Дверь за Конардом захлопнулась с таким звуком, будто он надеялся, что от этого удара в замке обвалятся все стены, а я вместе с ними. Какое-то время в комнате висела такая тишина, что, казалось, слышно, как пылинки оседают на дорожную мебель. Блондинка, все еще стоявшая у кровати, картинно прижав ладошки к губам, смотрела на дверь с выражением святой мученицы, которой только что продемонстрировали все ужасы ада.

Потом она медленно повернулась ко мне, и на ее лице расцвела такая сочувственная улыбка, что мне захотелось проверить, не вырос ли у меня на лбу рог или еще какая-нибудь экзотическая деталь.

– Ох, Тиана, милая, – проворковала она, присаживаясь на краешек кровати и осторожно касаясь моей руки. Ее пальцы были прохладными. – Ну зачем ты так с ним? Ты же знаешь, какой Конард... вспыльчивый. Особенно сейчас.

Я молча смотрела на нее. Вот что-то в этой ее сахарной заботе было... неправильное. Как торт, в который вместо сахара насыпали сахарин – вроде сладко, а на языке остается какой-то неприятный, химический привкус. Но что именно – я пока понять не могла. Может, это просто я, после всего пережитого, на всех кидаюсь, как цепная собака.

– Он всегда такой обаяшка, или это только мне так повезло? – буркнула я, отводя взгляд.

Этот ангелочек тихонько вздохнул, словно неся на своих хрупких плечах все печали этого мира.

– Он очень переживает, Тиана. Из-за... ну, ты понимаешь. Из-за всего этого. И за малыша тоже. Все-таки, он...

Она запнулась, словно подбирая слова. Я ждала. Про малыша я уже слышала. Очередная деталь этого безумного сна. И про то, что он, по мнению этого Конарда, явно не его. Ну да, конечно, как же иначе в такой закрученной галлюцинации.

– В общем, постарайся его не злить, хорошо? – Блондинка снова одарила меня своей лучезарной улыбкой. – Тебе сейчас нужно думать о себе и о ребеночке. Отдыхай. Я распоряжусь, чтобы тебе принесли бульон. И свежее платье.

Она легко поднялась, поправила складку на своем безупречном платье и направилась к двери.

– Я зайду позже, проведаю тебя, – бросила она через плечо и выпорхнула из комнаты, оставив после себя легкий цветочный аромат и кучу вопросов в моей бедной голове.

Я лежала еще немного, глядя в потолок на этих дурацких амурчиков. Все это было похоже на какой-то абсурдный сон. Попаданка – да нет, какой к черту попаданка, я, наверное, просто в коме после... после всего. И мне снятся эти странные люди: какой-то грозный Конард, эта приторно-сладкая незнакомка, и все они твердят про какую-то беременность... Бред. Просто бред сумасшедшего. Голова шла кругом.

«Надо хотя бы осмотреться», – мелькнула запоздалая мысль. Сидеть тут, как принцесса в башне, и ждать, пока меня либо вышвырнут, либо еще чего похуже сделают, было не в моих правилах.

Я осторожно свесила ноги с кровати. Пол был холодным, каменным, но застелен мягким ковром. Ноги все еще были ватными, но желание понять, куда меня занесло, пересиливало. Кое-как поднявшись, я сделала пару шагов. Комната была просторной, даже слишком. Огромная кровать под балдахином, туалетный столик с кучей каких-то флакончиков и баночек, шкаф размером с мою бывшую кухню. На стенах – гобелены с изображением охотничьих сцен. Богато, ничего не скажешь. Только вот уюта – ноль.

Я подошла к двери, прислушалась. Вроде тихо. Осторожно потянула ручку. Дверь поддалась, и я выглянула в коридор. Длинный, полутемный, с такими же гобеленами и высокими стрельчатыми окнами где-то в конце. Куда идти – направо или налево – было совершенно непонятно. Да и сил, как оказалось, тоже было негусто. Уже от этих нескольких шагов по комнате голова снова начала кружиться, а в глазах потемнело.

«Ладно, Даша, разведка отменяется, – решила я. – По крайней мере, пока не почувствуешь себя человеком, а не мокрой курицей».

Я вернулась к кровати и с облегчением рухнула на перину. Кажется, этот замок и его обитатели еще успеют преподнести мне немало сюрпризов. И что-то мне подсказывало, что приятных среди них будет немного.

4

Я даже не успела толком задремать или хотя бы смириться с мыслью, что застряла в этом дурдоме надолго, как дверь моей «палаты» снова распахнулась. На этот раз без стука и предупреждения. Видимо, в этом замке этикет был не в почете.

На пороге, как черный вестник апокалипсиса, стоял Конард. Мрачный, как туча перед грозой, от которой я уже успела получить первую порцию «приветствий». А рядом с ним семенил какой-то маленький, щуплый мужичок в сером балахоне, сжимающий в руках потертый кожаный чемоданчик. Видимо, это и был тот самый «его» лекарь, о котором грозный хозяин замка упоминал. На вид – типичный аптекарь из старого кино, только без круглых очков на носу.

– Осмотри ее, – рявкнул Конард, даже не удостоив меня взглядом. Вся его поза выражала такое нетерпение и отвращение, что мне невольно захотелось съежиться под одеялом и притвориться частью интерьера.

Лекарь, явно напуганный тоном своего работодателя, торопливо кивнул и подошел к кровати. От него пахло сушеными травами и чем-то еще, неуловимо-пыльным, как от старинной книги.

– Леди... – он запнулся, посмотрев на меня испуганными глазками-бусинками. – П-позвольте.

Он открыл свой чемоданчик, и я с каким-то отстраненным любопытством заглянула внутрь. Вместо привычных шприцев, бинтов и таблеток там на бархатной подкладке лежали... камни. Разноцветные, гладкие, некоторые тускло поблескивали даже в полумраке комнаты. Ну точно, секта какая-то. Или я попала на съемочную площадку фэнтези-фильма с очень низким бюджетом.

Лекарь взял несколько камешков – один молочно-белый, другой темно-синий, третий с какими-то красноватыми прожилками – и, что-то бормоча себе под нос, начал раскладывать их мне на живот, прямо поверх тонкого одеяла. Я замерла, ожидая, что сейчас они либо взорвутся, либо из них вылезет какая-нибудь инопланетная гадость.

Но камни просто лежали. А потом... они начали светиться. Тускло, едва заметно, каждый своим цветом. Белый – ровным, спокойным светом, синий – прерывистыми вспышками, а красный... красный почти не светился, лишь изредка подрагивал слабым огоньком. Лекарь внимательно наблюдал за этим «световым шоу», хмурия свои редкие брови.

Конард нетерпеливо переминался с ноги на ногу у изножья кровати, и я чувствовала его тяжелый взгляд даже сквозь закрытые веки. Атмосфера в комнате стала такой густой, что ее можно было ножом резать.

Наконец, лекарь убрал камни, ссыпал их обратно в чемоданчик и, глубоко вздохнув, повернулся к Конарду.

– Ну? – процедил тот сквозь зубы.

– М-милорд, – лекарь сплотнул, и его кадык нервно дернулся. Он явно боялся. Очень сильно боялся. – П-плод... он... человеческий. Не дракон. Магия есть, но... очень слабая. Обычный людской дар, не более.

В комнате повисла такая тишина, что я слышала, как у меня в ушах стучит кровь. А потом я увидела, как Конард изменился. Это было едва заметно, но от этого еще более жутко. Кожа на его шее натянулась, проступая вздувшимися венами, а глаза... Боже, его глаза! Они на мгновение словно подернулись дымкой, зрачки сузились, и в них полыхнул такой холодный,

нечеловеческий огонь, что у меня сердце ухнуло куда-то в пятки. Меня охватил первобытный, животный страх. Такой, какой испытываешь перед хищником, готовым к прыжку.

Лекарь, кажется, тоже это увидел. Он побледнел так, что стал похож на привидение, и, пятясь к двери, пролепетал:

– Я... я, пожалуй, п-пойду, милорд... Если больше ничего не нужно...

Конард не ответил, даже не посмотрел в его сторону. Он просто стоял, глядя на меня этим своим новым, страшным взглядом. Лекарь, поняв, что разрешения можно не ждать, пулей вылетел из комнаты, едва не споткнувшись о порог. Дверь за ним захлопнулась, оставив меня наедине с этим... существом.

А потом он двинулся. Медленно, плавно, как пантера, подошел к кровати и навис надо мной. Его тень полностью поглотила меня, и я почувствовала, как от него исходит волна ледяной ярости.

– Шлюха, – выдохнул он мне в лицо, и от этого слова, произнесенного низким, вибрирующим от гнева голосом, меня передернуло. – Ты просто шлюха. Одевайся. Мы сейчас же едем в храм. Расторгать этот фарс.

Я смотрела в его горящие нечеловеческим огнем глаза и понимала, что этот сон, этот бред, только что стал до ужаса реальным.

5

Конард, бросив свою последнюю ядовитую фразу, развернулся и вышел из комнаты так же стремительно, как и вошел. Дверь не хлопнула, но воздух в комнате, казалось, еще долго вибрировал от его подавляющей ярости.

– Жду тебя внизу, в холле, через десять минут, – донесся его голос уже из коридора. – Мне нужно зайти в кабинет.

Десять минут. Щедрый какой. А если я не успею? Он меня на руках понесет в этот их храм? Или просто притащит за шкурку, как нашкодившего котенка? Весело, ничего не скажешь.

Я с трудом поднялась с кровати. Ноги все еще были ватными, но адреналин от недавней сцены придал каких-то сил. В шкафу, который я успела мельком осмотреть раньше, висела куча платьев. Одно другого пышнее и неудобнее на вид. Я выбрала самое простое из них – темно-синее, без лишних рюшек и оборок, которое, как мне показалось, можно было натянуть на себя без посторонней помощи. Кое-как справившись с застежками (кто вообще придумал эти дурацкие крючки на спине?), я пригладила волосы рукой – расчески в этом сонном царстве, видимо, были дефицитом – и поплелась к выходу.

Едва я спустилась по широкой лестнице в просторный, отделанный темным деревом холл, как из одной из боковых дверей выпорхнула уже знакомая блондинка. На ее лице снова сияла ангельская улыбка, но сегодня к ней примешивалась какая-то... жалость? Или это мне опять казалось?

– Тианочка, милая! – зашебетала она, подлетая ко мне. – Я так переживала! Конард был так... расстроен. Но ты не волнуйся, все образуется. Главное, держись.

Она приблизилась, и меня обдало волной ее цветочного парфюма. Слишком сладкого, слишком навязчивого. Ранее я этого как-то не заметила, а сейчас от этого запаха у меня резко замutilо. К горлу подкатила тошнота, и я поспешно отступила на шаг.

– Да-да, спасибо, – пробормотала я, стараясь дышать ртом. – Я... мне нужно на воздух.

Не дожидаясь ее ответа, я метнулась к массивным входным дверям и, с трудом их отворив, вывалилась наружу. Свежий воздух! Какой же он был прекрасный после душного холла и приторных духов этой... «заботливой» особы.

Я оказалась на широком крыльце, с которого открывался вид на подъездную дорогу, усыпанную гравием, и... сад. Огромный, немного запущенный, но все равно красивый. Вдалеке виднелась изящная белая беседка, увитая плющом. Идеальное место, чтобы перевести дух и попытаться собрать мысли в кучу.

Придерживаясь за перила, я спустилась по ступенькам и медленно побрела по дорожке к беседке. Она стояла как раз неподалеку от той самой подъездной дороги. Усевшись на деревянную скамью, я закрыла глаза. Ну и бред. Какой же все-таки изощренный бред снится моему воспаленному мозгу. Драконы, которых нет, лекари с волшебными камушками, какие-то храмы, расторжение брака, которого я не заключала...

Вдалеке послышался стук лошадиных копыт и скрип колес. Наверное, этот Конард уже карету для поездки в храм приготовил. Или, может, это за мной санитары приехали? Смирительную рубашку привезли? Было бы логично.

Внезапно у меня сильно зачесалась рука, чуть выше локтя. Такое назойливое, неприятное ощущение. Я машинально потерла это место через ткань платья, но зуд не проходил. Раздраженно вздохнув, я подвернула широкий рукав, чтобы посмотреть, что там такое. Может, комар какой местный укусил, особо ядовитый.

И замерла.

На запястье была татуировка в виде браслета, а выше локтя, где чесалось, была вторая. Тоже тонкий, изящный браслет из переплетающихся линий, чем-то похожий на кельтский узор. Но я точно знала, что никаких татуировок у меня никогда не было! Я даже уши прокалывать боялась, не то что...

В этот самый момент мимо беседки, направляясь к главному входу в замок, проходил мужчина. Высокий, одетый в строгий, идеально сидящий дорожный костюм темно-зеленого цвета. У него были правильные, почти аристократические черты лица, волосы цвета воронова крыла аккуратно зачесаны назад, а глаза... внимательные, умные и какие-то очень холодные, светло-серые, почти прозрачные. Он двигался с какой-то сдержанной элегантностью, и от него веяло уверенностью и, пожалуй, скрытой опасностью. Он определенно не был слугой.

Его взгляд случайно скользнул по мне, задержался на моей руке с задранным рукавом, и я увидела, как в его холодных глазах мелькнуло сначала удивление, а потом – отчетливая досада, почти злость. Он на мгновение замедлил шаг, потом, словно опомнившись, снова двинулся вперед, больше не глядя в мою сторону.

Я тоже опустила взгляд на свою руку. Моя воспаленная фантазия разыгрывалась все сильнее. Я провела по зудящей татуировке пальцем. Кожа под узором была чуть горячее, чем остальная. Почесав зудящее место, я торопливо опустила рукав.

– Тиана!

Конард стоял на крыльце. Рядом с ним – тот самый мужчина в темно-зеленом костюме. Они о чем-то напряженно разговаривали, но как только я подошла ближе, незнакомец замолчал, лишь бросив на меня еще один быстрый, цепкий взгляд.

– Пора, – коротко бросил Конард и, не говоря больше ни слова, направился к карете, ожидавшей у крыльца.

Мы ехали молча. Я смотрела в окно на проплывающие мимо незнакомые пейзажи, а Конард сидел напротив, источая волны такой ледяной ярости, что мне казалось, воздух в карете вот-вот замерзнет.

Храм оказался огромным, мрачным зданием, сплошь украшенным лепниной, изображающей драконов во всех возможных позах – летящих, рычащих, изрыгающих пламя. Внутри было сумрачно и пахло благовониями. Нас провели в какой-то круглый зал, стены которого тоже были расписаны сценами из драконьей жизни. Жуть.

Вскоре появилось множество жрецов в длинных темных одеждах. Один из них, самый старый, с длинной седой бородой, обратился к Конарду:

– Лорд Вайрос, вы уверены? Ритуал разрыва драконьей связи очень болезненный. И может на время ослабить вашу силу.

– Приступайте, – отрезал Конард, и в его голосе не было ни тени сомнения.

То, что началось потом, было похоже на пытку из средневековья. Меня усадили на какое-то каменное возвышение, жрецы затянули монотонную песню на незнакомом языке. А потом один из них поднес к моей руке – к тому самому месту, где должен был быть брачный браслет – раскаленный докрасна металлический предмет, похожий на клеймо. Боль была адской. Я закричала, выгибаясь, пытаясь вырваться, но меня крепко держали. Запах паленой кожи ударил в нос. Слезы текли из глаз, смешиваясь с потом. Я видела, как Конарду делают то же самое. Он стоял неподвижно, стиснув зубы, и не издал ни звука, только желваки ходили на его скулах.

Когда все закончилось, моя рука горела огнем, а на месте рисунка остался уродливый багровый шрам. Я была невероятно зла. На Конарда, на этих жрецов, на весь этот безумный мир. Неужели нельзя было обойтись без этого варварства? Зато теперь я точно знала – это не сон. Такой боли во сне не бывает. Осознание обрушилось на меня со всей своей неотвратимостью: я действительно в другом мире, в чужом теле, и только что прошла через какой-то дикий ритуал.

Конард уже ждал меня на крыльце храма. Его лицо было непроницаемым, но в глазах все еще плескался холод.

– Теперь, когда ты официально стала шлюхой, носившей чужого ублюдка под моим именем, я не намерен терпеть тебя рядом, – его голос был ровным, но от этого не менее жестоким.
– Твоя карета ждет. Проваливай из моей жизни.

Он кивнул на другую карету, скромнее той, на которой мы приехали.

Я посмотрела на него. Я не знала, была ли Тиана неверна этому мужчине, изменяла ли она ему. Но обида и злость за пережитую боль, за унижение, захлестнули меня.

– Знаешь что, лорд Вайрос, – я вскинула подбородок, глядя ему прямо в глаза, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. – Ко мне ты сможешь приехать только тогда, когда твои собственные зубы дотянутся до локтей. И то, я еще подумаю, открывать ли дверь.

С этими словами я развернулась и, стараясь сохранять достоинство, направилась к карете.

6

Карета тряслась по ухабистой дороге, и каждый толчок отдавался тупой болью в обожженной руке и ноющей пустотой где-то глубоко внутри. Я сидела, откинувшись на жесткую подушку, и бездумно смотрела на мелькающие за окном деревья. Лес, лес, снова лес. Кажется, этот Конард решил сослать меня в самую глухую чащу, какую только смог найти.

Машинально я положила здоровую руку на живот. Теперь, когда адская боль от ритуала немного утихла, вытесненная всепоглощающей усталостью и злостью, мысль о ребенке вернулась. Нелепая, чудовищная, но, как я теперь понимала, слишком реальная. Беременность. В этом чужом теле, от мужчины, которого я не знала, в мире, который был мне враждебен.

Память, гадина такая, тут же подсунула картинки из прошлого. Игорь. Его пьяная ярость, когда я сказала, что ухожу. Толчок. Острая боль внизу живота. Больница. Пустые, сочувствующие глаза врача. «К сожалению, мы не смогли спасти ребенка... и у вас... вы больше не сможете иметь детей, Дарья Алексеевна». А потом – пустота. И его лицо, когда он пришел на следующий день, трезвый и якобы раскаивающийся. Я тогда и не знала, что это не конец. Что настоящий конец – это когда ты умираешь сама, захлебываясь кровью, потому что твой «любящий» муж не рассчитал силы.

Я судорожно сглотнула, отгоняя непрошенные слезы. Сейчас не время для этого. Сейчас нужно было думать только о настоящем. И, кажется, о защите этой крошечной, нежеланной жизни внутри.

Материнский инстинкт, будь он неладен, просыпался даже в таких нечеловеческих условиях. Этот ребенок, чей бы он ни был, был невиновен. И он был единственным, что связывало меня хоть с какой-то реальностью, пусть и такой дикой.

Прошло несколько долгих, мучительных часов. Солнце уже клонилось к закату, когда карета наконец-то замедлила ход и остановилась. Я выглянула в окно.

Мы стояли перед домом. Не замок Конарда, слава богу, с его показной роскошью и давящей атмосферой. Этот дом был другим. Большой, двухэтажный, из темного камня, с узкими, похожими на бойницы, окнами на первом этаже. Он выглядел крепким, основательным, даже немного суровым, но ухоженным. Крыша была покрыта черепицей, а вокруг дома виднелся запущенный, но когда-то явно красивый сад. Не уютное гнездышко, конечно, но и не откровенная развалюха. Скорее, небольшая крепость, затерянная на краю света.

В животе предательски заурчало. После утреннего «завтрака» из воды и страха, а потом и всех этих «процедур» в храме, я зверски проголодалась.

Дверцу кареты открыл возница, и я, морщась от боли в руке, выбралась наружу. На крыльце меня уже ждали. Целая делегация, если так можно выразиться.

Впереди стояла женщина, и вид у нее был... внушительный. Высокая, широкоплечая, с суровым, обветренным лицом и коротко стриженными темными волосами, в которых уже виднелась седина. Одета она была просто, в темное практичное платье, и держалась прямо, глядя на меня без тени улыбки или подобострастия. Просто смотрела, оценивающе и спокойно.

За ней, чуть поодаль, выстроились остальные. Мужчина средних лет, такой же суровый и молчаливый, как и женщина. Еще двое крепких парней, взгляд которых был внимательным и настороженным – явно не лакеи. И несколько женщин помоложе – одна совсем юная, с любопытными глазами, другая постарше, со спокойным, внимательным лицом, и еще одна, державшаяся чуть особняком, с корзинкой в руках, от которой исходил тонкий аромат трав.

– Леди Тиана, – голос старшей женщины был низким и немного хриплым, без каких-либо формальных приветствий. – Добро пожаловать в поместье «Каменный страж» лорда Вайрос. Меня зовут Вада. Я здесь старшая горничная и слежу за порядком. Это Джад, он отвечает за

дом и мужскую прислугу. Остальных представим позже. Прошу в дом. Ужин скоро будет готов, наш повар Сэм уже заканчивает.

Вада развернулась и вошла в дом, не дожидаясь моего ответа. Джад коротко кивнул, а остальные слуги молча последовали за ней, лишь юная горничная бросила на меня еще один быстрый, любопытный взгляд.

Я вздохнула. Да уж, похоже, меня тут не особо ждали с распростертыми объятиями. Ну, хоть накормят, и на том спасибо. Одно я знала точно: я голодна. А это уже какая-никакая, а мотивация двигаться дальше.

7

Вада, или кто-то из ее молчаливой свиты, проводила меня в небольшую комнату. Обстановка была простой, но добротной: тяжелый деревянный стол, несколько стульев, старинный буфет у стены. Никаких тебе хрустальных люстр и серебряных канделябров, как у Конарда в замке. Все по-спартански, но чисто.

Ужин подали быстро и так же молча. Какая-то пресная похлебка, кусок мяса с печеными овощами и ломоть грубого, но свежего хлеба. Не ресторанные изыски, конечно, но после всего пережитого и долгой дороги – самая вкусная еда на свете.

Я ела, стараясь не обращать внимания на то, что за мной из-за приоткрытой двери, кажется, кто-то наблюдает. Стоило мне поднять голову, как тень тут же исчезала.

Паранойя? Или просто местный стиль гостеприимства?

Как только тарелки были убраны (опять же, молча и быстро), меня оставили одну. Тишина в доме была почти оглушающей, нарушаемая лишь тиканьем каких-то старых часов в холле да завыванием ветра снаружи.

Я сидела за столом, разглядывая свои руки. Одна – с уродливым багровым ожогом и татуировкой-браслетом выше локтя, вторая – без увечий. Как я буду здесь жить? С этими чужими, молчаливыми, суровыми людьми. В этом забытом богом месте. Беременная. Одна. Перспектива вырисовывалась, прямо скажем, не радужная.

Но сидеть и жалеть себя – не в моем стиле. Нужно было хотя бы осмотреться, понять, куда меня занесло на этот раз. Я встала и вышла из столовой. Коридор был узким и довольно темным, освещенным лишь редкими масляными лампами, коптящими на стенах. Пахло сыростью и чем-то еще, неуловимо-старым, как в заброшенном доме.

Я пошла наугад, стараясь запоминать дорогу. Двери, двери, снова двери. Большинство были закрыты. Куда они вели – в спальни, кладовые, или, может, в пыточную камеру, где Конард складывает трупы врагов? Фантазия разыгралась не на шутку.

Внезапно из-за одной из приоткрытых дверей донесся звук, совершенно не вписывающийся в общую мрачную атмосферу этого дома. Веселое, почти беззаботное щебетание. Женский голос, молодой и звонкий. Я остановилась, прислушиваясь.

– ...а возница, который ее привез, знаешь, что болтал старому Полану у конюшни? Говорит, лорд Конард был чернее тучи! Прямо искры из глаз летели! Представляешь? Наверное, опять что-то не по его вышло. Он же такой... ух! Мощный! Я его однажды видела издалека, на ярмарке в прошлом году, так чуть в обморок не упала! Такой высокий, грозный... и красивый! Жаль, конечно, что у них с нашей леди так вышло... Говорят, в столице только об этом и шепчутся. Что там у них за разлад такой приключился, интересно?

Я осторожно заглянула в щель. В небольшой комнатке, похожей на каморку для прислуги, сидела та самая юная горничная с любопытными глазами, которую я видела на крыльце. Она что-то увлеченно вышивала, болтая без умолку с другой девушкой, сидевшей к двери спиной. Эта вторая была постарше, и голос у нее был более спокойный, приглушенный.

– Да уж, Тиви, языком ты мелешь, как помелом, – усмехнулась вторая девушка. – А еще говорят, – она понизила голос до шепота, и мне пришлось напрячь слух, – будто леди Тиана из рода тех, кто... ну... тенями ходит. Слыхала про таких? Говорят, они сквозь стены могут, и в любой тени спрятаться, как мышь в норе. Жуткое дело!

Тиви ахнула, и я услышала, как у нее из рук что-то упало – кажется, иголка или ножницы.

– Ой, мамочки! Палесса, ты что такое говоришь?! Ходящие тенями? Это же... это же как те страшилки, что старая Нанна рассказывала! Неужто правда? Если она такая... то почему ж лорд Конард ее... того?

Палесса – видимо, так звали вторую девушку – фыркнула.

– Да глупости все это, Тиви. Бабские сказки. Была бы она такой всемогущей, разве ж допустила бы, чтобы с ней так обошлись? Сидела бы сейчас в замке, а не здесь, в ссылке. Просто род у нее древний, вот и приписывают им всякое. Уймись ты со своими страхами и вышивай давай. Вада увидит, что ты опять бездельничаешь, обеим влетит.

Ходящие тенями... Интересно. В этом бредовом мире, кажется, даже магия есть.

Не успела я отойти от двери, как из-за поворота коридора бесшумно возникла Вада. Кажется, эта женщина обладала способностью появляться из ниоткуда.

– Леди Тиана, – ее голос, как всегда, был ровным и лишенным эмоций. – Ваши покои готовы. И ванна. Вам следует отдохнуть.

Она не спрашивала, она утверждала. Спорить с ней почему-то не хотелось. Да и мысль о горячей ванне после всех сегодняшних приключений была невероятно соблазнительной.

Вада проводила меня на второй этаж, в довольно просторную комнату. Обстановка здесь была чуть уютнее, чем внизу: большая кровать с пологом, камин, несколько кресел. И, о чудо, в небольшой смежной комнатке стояла огромная деревянная лохань, от которой уже шел пар.

– Если что-то понадобится, позовите, – коротко бросила Вада и удалилась, так же бесшумно, как и появилась.

Сбросить с себя пыльное дорожное платье и погрузиться в горячую воду с какими-то травами, от которых исходил успокаивающий аромат, было настоящим блаженством. Вода смыла грязь, усталость и, казалось, часть того ужаса, который я пережила за этот бесконечный день. Обожженная рука все еще ныла, но даже эта боль немного притупилась.

На кровати лежала чистая ночная сорочка из тонкого хлопка. Переодевшись, я забралась под тяжелое одеяло. Тело гудело от усталости, но мозг все еще отказывался отключаться, прокручивая события дня, как заезженную пластинку. Конард, храм, боль, эти странные слуги, слухи о «ходящих тенями»...

Но в конце концов, изнеможение взяло свое. Я провалилась в тяжелый сон без сновидений, почувствовав себя хотя бы в относительной безопасности.

8

Проснулась я от настойчивого солнечного луча, который пробился сквозь щель в тяжелых шторах и бесцеремонно светил мне прямо в глаз. Первой мыслью было – какой сегодня день недели? Потом вспомнила, что это здесь, скорее всего, совершенно неважно. Я потянулась, ощущая, как ноет все тело, но уже не так адски, как вчера. Обожженная рука под повязкой (кто и когда ее сменил, я не помнила) все еще давала о себе знать, но терпимо.

После скромного завтрака, принесенного молчаливой девушкой (кажется, Палессой, если я правильно расслышала вчерашний шепот), я бесцельно слонялась по своей комнате, не зная, чем себя занять. Выходить и снова наткаться на суровую Ваду или ее молчаливых подопечных не очень-то хотелось.

В дверь тихонько постучали.

– Леди Тиана? – раздался спокойный, чуть глуховатый женский голос. – Могу я войти? Я что-то буркнула в ответ, что можно было с натяжкой счесть за согласие.

Вошла женщина, которую я смутно помнила со вчерашнего «приветствия» на крыльце – та, что стояла с корзинкой трав. Она была невысокой, с темными волосами, собранными в тугий узел на затылке, и очень внимательными, темными глазами. В руках она снова держала плетеную корзинку.

– Меня зовут Анора, я здесь травница. Я подумала, возможно, вы захотите немного прогуляться, – предложила она, и в ее голосе не было ни приторной сладости блондинки из замка Конарда, ни ледяной отстраненности Вады. Просто спокойное предложение. – Воздух сегодня хороший. Я как раз собиралась к реке, посмотреть, не поспели ли некоторые травы.

Идея выйти из четырех стен показалась мне не такой уж плохой. К тому же, компания травницы выглядела наименее угрожающей из всех обитателей этого поместья.

– Почему бы и нет, – пожала я плечами, стараясь, чтобы это не выглядело слишком уж восторженно. – Все лучше, чем потолок разглядывать.

Мы шли по запущенной садовой дорожке, которая постепенно перешла в едва заметную тропинку, ведущую сквозь заросли кустарника к реке. Анора по большей части молчала, лишь изредка наклоняясь, чтобы сорвать какой-нибудь листик или цветок и аккуратно уложить его в свою корзинку. Я тоже не горела желанием заводить светские беседы, просто шла рядом, разглядывая незнакомые растения и пытаюсь привыкнуть к ощущению земли под ногами, а не трясущегося пола кареты.

– Вы всегда здесь жили? – спросила я скорее от скуки, чем из реального любопытства.

Анора на мгновение замерла, ее пальцы, собиравшие какие-то мелкие синие цветочки, дрогнули.

– Давно, – коротко ответила она, не поворачивая головы, и снова принялась за свое дело. Ясно. Разговорчивостью она не отличалась. Ну и ладно, мне же лучше.

Река оказалась неширокой, но быстрой, с каменистыми берегами. Вода была прозрачной, и на дне виднелись гладкие, обкатанные валуны. Мы шли вдоль берега, и Анора время от времени указывала мне на какие-то растения, называя их на своем языке. Большинство названий я тут же забывала.

И тут я его увидела. У самой воды, в тени раскидистого куста, росли несколько знакомых кустиков с узкими, длинными листьями и характерными стрелками, на которых должны были скоро появиться соцветия-шарики. Сердце радостно екнуло. Не может быть!

– Смотри-ка! – воскликнула я, забыв про свою обычную сдержанность, и кинулась к растению. Наклонилась, сорвала один листок, растерла между пальцами. Характерный, острый, ни с чем не сравнимый аромат ударил в нос. – Чеснок! Настоящий чеснок!

Анора подошла ко мне, с удивлением глядя то на меня, то на растение.

– Осторожно, леди, – ее голос прозвучал встревоженно. – Это же дикий луковник. Он очень ядовит. Даже скот его обходит стороной.

Я выпрямилась и посмотрела на нее. Ядовит? Чеснок? Я не выдержала и рассмеялась. Сначала тихо, потом все громче, почти до слез. После всего пережитого, эта абсурдная ситуация – чеснок, объявленный ядовитым растением, – показалась мне верхом идиотизма.

– Ядовит? – переспросила я, вытирая выступившие слезы. – Дорогая моя Анора, если это яд, то я – китайский император. Это же чеснок! Лучшее лекарство от всех болезней, ну, или почти от всех. И самая вкусная приправа на свете! Вы что, его тут не едите?

Анора смотрела на меня с явным недоумением, если не сказать, с опаской.

– Но... все старые травники говорят, что он опасен. Вызывает жар, колики... некоторые даже слепнут от его сока.

– Слепота от чеснока? – я снова прыснула. – Ну, если его в глаза закапать, то, может, и неприятно будет. А так... Вы просто не умеете его готовить! – я лукаво подмигнула ей. – А ну-ка, дай сюда свою корзинку. Кажется, у меня появилась идея, как разнообразить наше местное меню. И, возможно, немного подзаработать, если тут все такие же темные в вопросах кулинарии.

Анора все еще смотрела на меня с сомнением, но корзинку протянула. Я же, вооружившись новоприобретенным знанием о местной «ботанической безграмотности», с энтузиазмом принялась выкапывать драгоценные головки «ядовитого» чеснока. Кажется, жизнь в этой ссылке обещала быть не такой уж скучной.

9

Мы с Анорой вернулись в дом, и я, ощущая себя заправским контрабандистом, с гордостью несла в подоле платья свой "ядовитый" улов. Головки чеснока приятно оттягивали ткань. Анора шла рядом, все еще бросая на мою добычу косые, полные сомнения взгляды.

– Вы уверены, леди, что это... съедобно? – не выдержала она, когда мы уже подходили к дому. – Старики не зря предостерегали.

– Уверена, как в том, что солнце встает на востоке, – усмехнулась я. – Главное – правильный подход. Увидишь, Анора, мы еще тут чесночную революцию устроим!

Наше почти триумфальное шествие, сопровождаемое тихим бормотанием Аноры о возможных последствиях, было прервано появлением Вады. Она материализовалась в холле так внезапно, словно прошла сквозь стену, и ее взгляд тут же, как магнит, притянулся к моему подолу, из которого предательски торчали зеленые хвостики.

Брови старшей горничной медленно поползли вверх, образуя на лбу строгие складки, а на лице отразилось такое выражение, будто я не просто притащила дохлую крысу, а целую стаю, да еще и попыталась выдать их за деликатес.

– Это... что такое, леди Тиана? – ее голос был еще суше, чем обычно, и в нем отчетливо слышались стальные нотки.

– Лекарственное растение, Вада, – бодро отрапортовала я, стараясь не обращать внимания на ее грозное неодобрение и пытаюсь выглядеть как можно более убедительно. – Очень ценное. Анора может подтвердить его... э-э-э... особые свойства. И очень вкусное, между прочим, если знать, как приготовить.

Анора, на которую тут же уставилась Вада, что-то невнятно пролепетала, густо покраснев и пряча глаза. Кажется, авторитет старшей горничной давил на нее сильнее, чем мои увещевания о пользе чеснока.

Вада перевела свой испытывающий взгляд с поникшей травницы снова на меня, и я поняла: еще немного, и мой драгоценный чеснок полетит в ближайшую помойку или, чего доброго, будет сожжен на ритуальном костре как порождение тьмы и рассадник заразы. Нет уж, дудки! Моя чесночная империя не должна погибнуть, так и не родившись!

Поэтому, изобразив на лице самую милую и невинную улыбку, на какую только была способна, я быстро, но как бы невзначай, ссыпала несколько самых крупных и крепких головок чеснока в глубокий карман своего платья. Слава местной моде на платья с такими вместительными хранилищами!

Остальную, менее внушительную часть, я оставила в корзинке Аноры, прошептав ей на ухо, пока Вада отвлеклась на какой-то шум с кухни: "Спрячь получше, под свою ответственность, потом разберемся". Анора только испуганно кивнула.

– Пойду к себе, немного устала после прогулки, – объявила я во всеуслышание, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более беззаботно, и с деланным спокойствием направилась к широкой деревянной лестнице, ведущей на второй этаж.

– Мне тоже пора.

Анора последовала моему примеру и ретировалась в сторону кухни.

Поднимаясь по скрипучим, выдавшим виды ступеням, я чувствовала на спине тяжелый взгляд Вады. Но главное – стратегический запас чеснока был при мне. Я уже представляла, как удивлю местного повара Сэма своими кулинарными изысками.

На середине лестничного пролета я услышала сверху торопливые шаги, какое-то сопение и нарастающий стук каблуков по дереву. А потом резкий, предостерегающий окрик Вады откуда-то из холла:

– Нил, осторожно! Не беги так!

10

Я успела только начать поднимать голову, как прямо на меня, с верхней площадки лестницы, теряя равновесие и размахивая руками, кубарем покатился молодой парень в белоснежном поварском фартуке, изрядно испачканном чем-то мучным.

Он нес в руках огромную керамическую миску, до краев наполненную какой-то белесой, колышущейся массой, видимо, очень спешил, и на одной из отполированных временем ступенек его нога предательски поехала. Я инстинктивно попыталась отшатнуться, прижаться к перилам, но было уже поздно. Летящее тело и миска были неотвратимы, как судьба.

В следующую долю секунды мир для меня перевернулся, схлопнулся, изменился до неузнаваемости.

Вместо привычных деревянных перил, запаха старого дерева и тусклого света из окон коридора меня окутал холодный, серый, тягучий сумрак.

Все звуки пропали, растворились, сменившись давящей, почти осязаемой, звенящей тишиной. Воздух стал плотным, тяжелым, было трудно дышать. Я стояла на чем-то твердом, но не видела ни стен, ни потолка – только бесконечное, уходящее во все стороны серое пространство, где медленно клубились и перетекали друг в друга тени, похожие на застывший, потревоженный дым. Людей здесь не было. Это место было пустым и мертвым. Но я была не одна.

Вдалеке, на самой границе видимости, там, где серая мгла становилась гуще, метались какие-то темные, бесформенные, расплывчатые фигуры. Они двигались быстро, прерывисто, рывками, словно... шныряли, выискивая что-то. От них веяло таким леденящим, первобытным ужасом, что у меня волосы на затылке встали дыбом, а по спине пробежал холодный пот. И одна из этих... сущностей... она меня заметила. Замерла на одно жуткое мгновение, словно пригнувшись, а потом с немыслимой, противоестественной скоростью рванула в мою сторону, вытягиваясь в длинный, зловещий, когтистый силуэт.

Паника ударила в голову ледяным молотом, парализуя волю. Я хотела закричать, позвать на помощь, но не смогла издать ни звука – горло сдавил спазм. Сердце колотилось так, будто хотело проломить ребра. И тут я почувствовала, как в кармане платья, там, где лежал чеснок, что-то сильно, почти обжигающе, нагрелось. Головка чеснока, та самая, которую я так предусмотрительно припрятала! Рука сама собой, повинаясь какому-то древнему, забытому инстинкту, полезла в карман, пальцы нащупали горячую, твердую, пульсирующую теплом головку. Я вытащила ее, не понимая, зачем, просто держа перед собой, как щит.

В тот самый момент, когда чеснок оказался у меня в руке, сверкнув в сером сумраке тусклым внутренним светом, приближающаяся тварь издала какой-то булькающий, шипящий, полный невыразимого отвращения звук, от которого у меня заложило уши. Ее стремительное движение захлебнулось, она резко, почти конвульсивно, шарахнулась в сторону, а потом и вовсе умчалась прочь, панически растворяясь в сером мареве, словно ее опалило огнем. Горячая головка чеснока в моей руке тут же остыла, снова став обычной.

Что это, черт возьми, было?! Где я оказалась?! Это место... оно было не просто страшным, оно было... неправильным. Чужим.

А потом мир снова моргнул, дернулся, и меня с силой вытолкнуло обратно.

Резкий толчок, и серый сумрак исчез так же внезапно, как и появился. Я снова стояла на лестнице, слегка покачиваясь, но на ногах. Прямо передо мной, на пару ступенек ниже, распластавшись в самой нелепой позе – руки и ноги в разные стороны – лежал тот самый незадачливый парень, Нил. Миска, которую он нес, с громким стуком ударилась о ступеньку и теперь валялась рядом, а ее белесое, похожее на тесто или густую кашу, содержимое живописно растекалось по темному дереву, образуя липкую лужу. Сам Нил, с головы до ног перепачканный этой субстанцией, смотрел на меня огромными, полными ужаса и недоумения гла-

зами. Кажется, он совершенно не понимал, как я умудрилась не только остаться на ногах, но и вообще не сдвинуться с места, когда он летел прямо на меня.

У подножия лестницы, застыв как изваяние, стояла Вада. Она ничего не говорила, просто смотрела на меня. Пристально, изучающе, и в ее обычно непроницаемых, холодных глазах мелькнуло что-то... странное. Не то удивление, не то подозрение, а может, даже что-то похожее на затаенный интерес. Этот взгляд заставил меня поежиться сильнее, чем ледяной холод того серого мира.

– Ой, леди! – наконец выдавил из себя Нил, отчаянно багровея под слоем белой жижи.
– Простите, ради всех святых! Я... я не хотел! Я сейчас, сейчас все уберу!

Он попытался неуклюже вскочить, но его ноги снова поехали по скользкой каше, и он, взмахнув руками, как подбитая птица, снова шлепнулся на то же место, только теперь еще и сев прямо в лужу. Раздался сочный, чавкающий звук.

Я смотрела на это театральное представление, на эту растекшуюся по лестнице кашу, на свою руку, все еще судорожно сжимающую обычную, ничем не примечательную головку чеснока, и чувствовала, как мой мозг отчаянно отказывается обрабатывать произошедшее. Это был какой-то совершенно новый, запредельный уровень бреда. Даже для этого сумасшедшего мира. И этот пристальный, тяжелый взгляд Вады... он определенно не добавлял спокойствия.

11

– Н-ничего страшного, – пробормотала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Обратилась я скорее к Нилу, чем к Ваде, чей взгляд все еще буравил меня. – Бывает. Главное, чтобы ты не ушибся.

Нил, услышав это, кажется, еще больше смутился и покраснел под слоем своего кулинарного «макияжа».

– Д-да что вы, леди! Это я... я такой неуклюжий! Сейчас все приберу! Простите, пожалуйста!

Он снова попытался встать, и я поняла, что если не вмешаюсь, эта комедия положений будет продолжаться вечно.

– Может, тебе помочь? – предложила я, сама удивляясь своей внезапной отзывчивости. Хотя, скорее всего, это был просто способ оттянуть момент, когда мне придется остаться наедине с воспоминаниями о сером сумраке и когтистой твари.

– Что вы, леди, не стоит! – запротестовал Нил, но тут в дело вмешалась Вада. Ее голос, как всегда ровный и холодный, прозвучал неожиданно громко:

– Нил, поднимись и приведи себя в порядок. Палесса уберет здесь. А вы, леди Тиана, – она перевела взгляд на меня, и мне показалось, что в нем на долю секунды мелькнуло что-то вроде... снисхождения? Или мне просто очень хотелось это увидеть. – Полагаю, после такого вам не помешает чашка горячего травяного отвара. Анора заварит.

Идея с отваром была неплохой, но мысль о том, чтобы снова идти в свою комнату и ждать, пока его принесут, меня не радовала.

– Знаете, Вада, – сказала я, стараясь придать голосу уверенности, – я, пожалуй, пойду с Нилом. На кухню. Прослежу, чтобы он там еще чего-нибудь не натворил. Да и... любопытно посмотреть, как у вас тут все устроено.

Вада смерила меня долгим взглядом, но, на удивление, спорить не стала. Только чуть заметно поджала губы.

– Как будет угодно, леди.

Нил, все еще перепачканный и сконфуженный, но явно обрадованный тем, что ему не придется в одиночку отдуваться за происшествие, робко посмотрел на меня.

– П-правда, леди? Вы... со мной?

– Ну не бросать же тебя одного в таком виде, – я попыталась улыбнуться. – Пойдем, герой дня. Покажешь мне, где у вас тут кулинарные шедевры рождаются. И где можно руки помыть.

Кухня оказалась большой, просторной, с огромной каменной печью, занимавшей почти всю стену. Посреди комнаты стоял массивный деревянный стол, заваленный всякой утварью. У плиты хлопотал мужчина – невысокий, коренастый, с густыми рыжими усами и таким сосредоточенным выражением лица, будто он не кашу варил, а вершил судьбы мира. Это, видимо, и был Сэм, местный шеф-повар.

Увидев Нила в его «боевой раскраске» и меня, скромно следующую за ним, Сэм отошел от своего священнодействия и уставился на нас, вытирая руки о фартук.

– Ну и видок у тебя, помощничек! – пробасил он, смерив Нила неодобрительным взглядом. – Опять решил по лестнице кувырком спуститься? А вы, леди, – он перевел взгляд на меня, и в его глазах мелькнуло любопытство, – что-то случилось?

Нил, снова густо покраснев, принялся лепетать извинения и объяснения, активно жестикулируя и едва не опрокинув при этом стоявший на столе кувшин. Я же, воспользовавшись моментом, подошла к большому умывальнику в углу и наконец-то смыла с рук липкую грязь и холодный пот.

– Да так, небольшое недоразумение, – сказала я, когда Нил немного успокоился. – Зато я теперь знаю, что у вас тут очень... э-э-э... скользкие лестницы. А еще, – я хитро улыбнулась, доставая из кармана припрятанную головку чеснока, – у меня есть для вас, шеф-повар Сэм, небольшой сюрприз.

Сэм с подозрением посмотрел на чеснок, потом на меня.

– И что это за... луковица? Уж не та ли это отравка, что Анора вечно по лесу собирает?

– Это, уважаемый Сэм, не отравка, а основа для одного восхитительного соуса! – заявила я с энтузиазмом. – Называется... э-э-э... «Соус Белый Огонь». Позвольте продемонстрировать? Уверена, вы такого еще не пробовали. Мне понадобятся некоторые продукты, если они у вас найдутся.

Сэм хмыкнул, погладил свои рыжие усы, но любопытство, кажется, взяло верх.

– Ну, удивляйте, леди. Только если мы тут все после ваших экспериментов животами маяться будем, пеняйте на себя. Что вам надобно?

Я оглядела полки и запасы на кухне. Масло растительное, похожее на подсолнечное, нашлось довольно быстро в глиняном кувшине. Яйца... Яйца были, но какие-то странные – чуть крупнее куриных, с голубоватой, крапчатой скорлупой. «Ну, белок и желток там точно должны быть», – подумала я. Соль и что-то похожее на сахарный песок Сэм тоже указал. И, о чудо, в одной из баночек обнаружился мелкий желтоватый порошок с характерным запахом – очень похожий на горчичный!

– Отлично! – обрадовалась я. – Теперь мне нужен... лимон. Или что-то очень кислое, для заправки.

Сэм почесал в затылке.

– Лимоны у нас не растут, леди. Но есть вот... – он покопался в корзине с фруктами и извлек оттуда небольшой, мохнатый зеленый плод, размером с крупный орех. Внешне он немного напоминал киви. – Называется «кислица лесная». Очень кислая, но если спелая, то и сладость немного есть. Для маринадов используем иногда.

– Подойдет! – решила я, взяв плод. – И еще пару зубчиков вот этого «ядовитого» чеснока, если позволите.

Сэм скептически наблюдал, как я разбиваю незнакомое яйцо в миску (желток оказался ярко-оранжевым), отделяю его, добавляю щепотку соли, сахара, того самого «горчичного» порошка и начинаю энергично взбивать все это венчиком, который Нил услужливо мне подал. Постепенно, тонкой струйкой, я стала вливать масло. Масса на глазах начала густеть и светлеть.

– И что это вы такое колдуете, леди? – Сэм не сводил с миски глаз, его усы недоверчиво подрагивали. – На ведьминское зелье похоже.

– Почти, – усмехнулась я, продолжая взбивать. – Только это зелье не привораживает, а улучшает вкус любой еды. В конце я добавила сок той самой «лесной кислицы» – он действительно оказался очень кислым, с легкой фруктовой ноткой, и пару мелко-мелко нарубленных зубчиков чеснока. Соус получился густым, кремовым, аппетитного желтоватого цвета.

– И что, вот эта... белая пахучая жижа... это и есть ваш знаменитый «Белый Огонь»? – Сэм скривил губы, когда я протянула ему деревянную ложку с готовым продуктом. – Пахнет... интересно. Остро и свежо одновременно.

– Не судите по запаху, мастер, – улыбнулась я. – Вся соль – во вкусе. Рискнете?

Сэм недоверчиво покосился на ложку, потом на меня, вздохнул, как будто собирался выпить лекарство, и решительно сунул ложку в рот. На мгновение его лицо застыло. Потом глаза удивленно расширились. Он медленно прожевал, причмокнул, снова расширил глаза. Его рыжие брови поползли на лоб.

– Ну?! – не выдержала я, сгорая от нетерпения. Нил рядом тоже затаил дыхание.

– А... а ведь... это... это просто невероятно! – наконец выдохнул Сэм, ошарашенно глядя на меня. Его обычная ворчливость куда-то испарилась. – Нежный, но с остринкой... и эта кислинка... Никогда бы не подумал, что из таких простых вещей... да еще с этой вашей «луковицей»... может такое получиться! А ну-ка, дайте еще! И хлеба кусок!

Я рассмеялась, глядя на его преобразившееся лицо и на то, как он с аппетитом намазывает соус на ломоть хлеба, который тут же подсунул ему Нил. Кажется, моя чесночно-майонезная революция в этом отдельно взятом поместье началась вполне успешно. И, что самое главное, я больше не чувствовала себя такой одинокой и напуганной. Кухня, с ее теплом, запахами и ворчливым, но, кажется, не таким уж и суровым поваром, оказалась на удивление уютным местом.

12

Успех моего «Белого Огня» имел далеко идущие последствия. Во-первых, Сэм, через Нила, передавал мне свою почтительную благодарность и намекал, что не прочь бы получить еще пару советов по «заморским соусам».

Во-вторых, даже Вада, как мне показалось, стала чуть менее суровой, когда речь заходила о еде. По крайней мере, на моем столе теперь всегда стояла маленькая пиала с моим творением.

Но запасы дикого чеснока были не бесконечны. А мысль о том, чтобы снова просить Анору сопровождать меня к реке, меня не слишком прельщала. К тому же, после того странного происшествия на лестнице, мне хотелось иметь это «чудо-растение» под рукой, и побольше.

На третьи сутки моего пребывания, за обедом, который мне, как обычно, подали в одиночестве в малой столовой, меня осенила мысль. Я здесь, конечно, вроде как ссыльная, но почему я должна есть одна, как отшельник? Здесь же полно людей!

Когда Палесса пришла убирать посуду, я ее остановила.

– Палесса, скажите, а почему вы все... ну, Сэм, Нил, Анора, вы... почему вы не едите здесь, со мной? Стол большой, места всем хватит. Было бы веселее.

Палесса замерла с подносом в руках и посмотрела на меня так, будто я предложила ей станцевать на столе голышом. Ее глаза округлились, а на лице отразилось такое искреннее недоумение, смешанное с легким испугом, что я поняла – ляпнула что-то не то.

– Н-но, леди... – пролепетала она, запинаясь. – Мы же... слуги. А вы... вы леди. Так не положено.

– Да бросьте вы эти условности! – махнула я рукой. – Какая разница, кто есть кто, когда дело доходит до еды? Зовите всех, пообедаем вместе. Уверена, Сэм приготовил что-нибудь вкусненькое и для вас.

Палесса попятилась к двери, продолжая смотреть на меня как на сумасшедшую.

– Я... я спрошу у Джада, леди, – пробормотала она и почти бегом скрылась за дверью.

Естественно, Ждад на мою «революционную» идею отреагировал предсказуемо. Через некоторое время он сама явился ко мне, с непроницаемым лицом и взглядом, который ясно говорил: «Леди, не несите чушь».

– Леди Тиана, – его голос был холоден, как лед. – В этом доме существуют определенные порядки. И они не подлежат обсуждению. Вы обедаете здесь. Прислуга – на кухне. И так будет всегда.

Спорить с ним было все равно что пытаться сдвинуть гору. Я только вздохнула. Ладно, попытка не пытка. Видимо, придется привыкать к одиноким трапезам.

Но от идеи с чесноком я отказываться не собиралась. Раз уж нельзя собрать всех за одним столом, придется действовать другими методами. После обеда я сама отправилась на кухню. Сэм и Нил как раз убрали после своей трапезы.

– Сэм, Нил, есть разговор, – начала я без предисловий. – Этот ваш «дикий луковник» – вещь, конечно, хорошая. Но что если он закончится? Нужно бы нам его... культивировать.

Сэм, оттиравший большой котел, на мгновение замер.

– Культи-что, леди?

– Сажать, – пояснила я с улыбкой. – Разводить. Чтобы свой был, домашний. Огородик под него выделить.

– А что, это мысль отличная, леди! – тут же оживился Сэм, и его рыжие усы одобрительно зашевелились. – Чтобы всегда под рукой был, этот ваш... «огонь». А то бегай за ним к реке. Погода у нас здесь, на границе, что надо – благодать круглый год. Полан для меня зелень всякую

в огороде чуть ли не под снегом умудряется выращивать, а уж для такой полезной штуки место точно найдет! Нил, ты как думаешь?

Нил, который как раз доедал кусок пирога, энергично закивал, с набитым ртом изображая полное согласие.

– Это вам лучше с Поланом поговорить, леди, – продолжил Сэм. – Он у нас за огород и прочее хозяйство отвечает. Эй, Нил, сбегай-ка, позови Полана, если он не занят на конюшне.

Нил пулей вылетел из кухни, и через некоторое время вернулся в сопровождении невысокого, кряжистого мужчины с обветренным лицом и сильными, мозолистыми руками. Это был Полан. Он вошел, снял у порога свою выдавшую виды шапку и с некоторым удивлением посмотрел на меня, стоящую посреди кухни.

– Вы звали, леди? – его голос был немного грубоватым, но спокойным.

– Да, Полан, – кивнула я. – Мы тут с Сэмом обсуждали... Скажите, а можно ли сейчас сажать... ну, например, дикий луковник? Как у вас тут с землей, с местом?

Полан на мгновение задумался, переводя взгляд с меня на Сэма, потом снова на меня.

– Луковник, говорите, леди... – он поскреб подбородок. – Ну, Сэм правду говорит, погода у нас тут балует. Горы Драконьего Хребта от всякой северной напасти закрывают, а с юга, от Великого моря, тепло идет. Так что земля у нас почти всегда готова принять. Солнца хватает. Если поливать да ухаживать, то многое можно сажать почти в любое время. Главное, чтобы семена хорошие были, да руки не ленивые. У нас за домом есть небольшой огород, правда, немного запущенный в последнее время. Место под пару грядок точно найдется.

Я слушала его, и на душе становилось как-то светлее. Стабильная погода, возможность сажать что-то почти круглый год... Это открывало определенные перспективы. Не только для чеснока.

– То есть, если мы сейчас посадим чеснок, он приживется и даст урожай? – уточнила я.

– Чеснок? А почему нет, леди? – пожал плечами Полан. – Земля примет. Было бы что сажать.

– Замечательно! – я хлопнула в ладоши. – Сэм, Нил, Полан! Кажется, у нас намечается новый проект! Назовем его «Операция "Чесночное Эльдorado"»!

Сэм одобрительно крякнул, Нил восторженно захихикал, а Полан, хоть и сохранял серьезное выражение лица, кажется, тоже был не против немного разнообразить свою огородную рутину.

13

На следующий же день, едва дождавшись, когда утренний туман немного рассеется, я, вооружившись энтузиазмом и остатками дикого чеснока, которые Анора все-таки сохранила, отправилась на поиски Полана. Нашла я его в конюшне, где он сосредоточенно чистил какую-то внушительных размеров лошадь, явно не предназначенную для дамских прогулок.

– Доброе утро, Полан! – бодро поприветствовала я. – Готовы к созданию нашей чесночной империи?

Полан обернулся, слегка удивленный моим ранним визитом и боевым настроением. Он вытер руки о грубую холстину и кивнул:

– Доброе утро, леди. Коли решили, так чего ж тянуть. Инструмент я приготовил, и место под грядки присмотрел. Пойдемте, покажу.

Огород оказался небольшим, но довольно уютным участком земли за домом, огороженным невысоким плетнем. Несколько грядок были аккуратно вскопаны и явно использовались – там зеленела какая-то местная петрушка и еще пара незнакомых мне трав. Остальная часть огорода выглядела немного запущенной, но Полан уже успел расчистить под мой «проект» пару аккуратных прямоугольников рыхлой, темной земли.

– Вот здесь, думаю, в самый раз будет, леди, – он указал на подготовленные грядки. – Солнышко сюда хорошо заглядывает, и от ветра это место немного прикрыто.

Он вручил мне небольшую мотыжку и показал, как правильно разделять головки чеснока на зубчики и на какую глубину их сажать. Я, конечно, не была заправским огородником – мой опыт ограничивался выращиванием укропа на балконе в прошлой жизни, – но энтузиазма у меня было хоть отбавляй.

Мы принялись за работу. Полан молча, но умело орудовал своей лопатой, делая бороздки, а я, старательно следуя его инструкциям, втыкала в землю драгоценные зубчики. Солнце припекало, от земли пахло влагой и свежестью, и эта простая физическая работа на удивление успокаивала и даже приносила какое-то странное удовлетворение.

– Знаете, Полан, – сказала я, вытирая со лба капельку пота тыльной стороной ладони, – если все пойдет хорошо, мы тут такой урожай соберем – весь Энаполис обеспечим! А потом и на экспорт пойдем. Представляете заголовки в местных газетах: «Новая чесночная империя!»

Полан, который как раз выравнивал очередную грядку, на мгновение замер, потом посмотрел на меня, и в уголках его глаз собрались едва заметные морщинки. Кажется, он улыбнулся. Хотя, может, мне просто показалось.

– Империя, говорите, леди... – он хмыкнул. – Ну, до империи далеко, а вот на добрый суп да на соус к мясу, глядишь, и хватит. Если вредители какие не нападут.

– Какие еще вредители? – насторожилась я. – У вас тут что, чесночные монстры водятся?

– Да нет, леди, монстров нет, – Полан снова улыбнулся, на этот раз уже вполне отчетливо. – А вот землерылы да мыши полевые – это бывает. Но мы и на них управу найдем. Анора травок каких подсыплет, они этот запах не любят.

Мы работали еще около часа, пока все зубчики не оказались в земле. Я чувствовала приятную усталость в мышцах и какое-то детское воодушевление от проделанной работы. Маленький, но такой важный шаг к моей независимости. И пусть это была всего лишь пара грядок чеснока, для меня они символизировали нечто большее.

– Ну вот, – я с гордостью оглядела наши труды. – Начало положено. Теперь будем ждать всходов. И готовиться к завоеванию рынка!

Полан покачал головой, но в его глазах я снова увидела ту самую усмешку. Кажется, моя идея о «чесночной империи» его все-таки позабавила.

А я, глядя на эти скромные грядки, почти физически ощущала, как где-то в глубине души прорастает маленькое, но очень настырное семечко надежды.

14

Дни в поместье тянулись медленно, но не так уж и уныло, как я ожидала. Моя «чесночная плантация» требовала ухода – Полан научил меня правильно ее поливать и даже показал, как бороться с какими-то местными сорняками, которые почему-то особенно полюбили мои грядки. Анора периодически снабжала меня разными травами, некоторые из которых действительно оказались полезными для облегчения боли в обожженной руке.

Но главным моим развлечением стала кухня. Сэм, после триумфа «Белого Огня» (который, к слову, теперь пользовался бешеной популярностью среди всех обитателей дома, от Вады до конюхов), смотрел на меня с нескрываемым уважением и даже некоторой опаской, словно ожидая от меня очередного кулинарного чуда или, наоборот, взрыва на макаронной фабрике.

Сегодня я решила поэкспериментировать с чем-то новым. У Сэма нашлись какие-то местные корнеплоды, похожие на очень крупную, почти фиолетовую морковь, но с более пряным, островатым вкусом. Я отварила их, пюрировала, добавила немного того самого «Белого Огня» для основы, щепотку каких-то ароматных сушеных ягод, которые дала мне Анора (сказала, для «пикантности»), и немного сока той же лесной кислицы для свежести. Получилась густая, ароматная масса красивого сиреневатого цвета.

– Ну что, дегустаторы, готовы к новым вкусовым ощущениям? – спросила я, ставя перед Сэмом и Нилом по небольшой мисочке с моим новым творением. Нил, который после инцидента на лестнице стал моим преданным, хоть и немного неуклюжим, ассистентом на кухне, уже предвкушающе облизывался. Сэм же, по обыкновению, сначала смерил соус подозрительным взглядом.

– И как это чудо-юдо заморское называется, леди? – пробасил он, осторожно зачерпывая ложкой немного сиреневой массы. – Надеюсь, не «Фиолетовая Смерть»? А то цвет у него... больно уж экзотический.

– Назовем его... «Драконий Поцелуй», – ляпнула я первое, что пришло в голову, вспомнив грозного Конарда. – Потому что он такой же... неожиданный. И с огоньком.

Сэм хмыкнул, но соус попробовал. Его брови снова поползли вверх. Нил, не дожидаясь вердикта шефа, тоже сунул ложку в рот и восторженно замычал.

– М-м-м, леди! Это... это еще вкуснее, чем «Огонь»! Такое... пряное, и сладковатое немного, и острое! Просто объединение!

Он так увлекся дегустацией, что, потянувшись за куском хлеба, чтобы вымазать остатки соуса из своей миски, неловко задел ее локтем. Миска качнулась, накренилась и с жалобным стуком полетела на каменный пол, разлетаясь на несколько крупных черепков. Остатки «Драконьего Поцелуя» живописно растеклись сиреневой лужей.

Нил замер, как соляной столб, с ужасом глядя на дело своих рук. Его лицо вытянулось, а глаза наполнились таким отчаянием, будто он только что разбил не миску с соусом, а как минимум фамильную вазу династии Мин.

– Ой... – только и смог выдохнуть он.

Я ожидала, что Сэм сейчас разразится грозной тирадой по поводу неуклюжести своего помощника и перевода ценных продуктов. Но вместо этого шеф-повар, который секунду назад с наслаждением смаковал соус, вдруг прыснул. Потом еще раз. А потом его начало буквально трясти от сдерживаемого смеха. Он схватился за живот, его рыжие усы забавно подрагивали.

– Ну, Нил... ну, ты даешь! – хохотал Сэм, вытирая выступившие слезы. – Так эффектно... поцелуй дракона... прямо на пол! Это надо было видеть!

Я тоже не выдержала и рассмеялась. Картина действительно была комичной: перепуганный Нил, весь в каплях сиреневого соуса (кажется, ему досталось больше всех), и Сэм, обычно

такой серьезный и ворчливый, давящийся от смеха. Даже я, стоя рядом, умудрилась получить пару «драконьих поцелуев» на свой фартук.

– Кажется, дракон у нас сегодня не в духе, – сказала я, пытаюсь отдышаться. – Или просто очень щедрый, решил поделиться со всеми. Даже с полом.

Нил, видя, что никто его не собирается ругать, а наоборот, все веселятся, тоже робко улыбнулся, хотя и выглядел все еще очень виноватым.

– Простите, леди... Я... я все уберу!

– Да ладно тебе, Нил, – махнул рукой Сэм, все еще посмеиваясь. – С кем не бывает. Главное, что соус-то – огонь! То есть, поцелуй! Надо будет еще сделать. У нас этих... корнеплодов фиолетовых еще много.

Когда смех немного утих, и Нил, вооружившись тряпкой, принялся ликвидировать последствия «драконьей щедрости», меня осенила еще одна мысль.

– Слушайте, а ведь эти соусы... их же можно не только здесь есть, – задумчиво произнесла я. – Их можно... продавать!

Сэм и Нил (который как раз оттирал особенно живописное пятно с пола) одновременно посмотрели на меня.

– Продавать? – переспросил Сэм, и в его голосе прозвучало удивление. – Кому? Здесь, в этой глуши?

– Ну почему же только здесь? – я вошла в азарт. – Наверняка же есть какие-то ярмарки, рынки в ближайших городках. Или даже в столицу можно возить! Представляете, «Уникальные соусы от леди Тианы из поместья Ройверс»! Звучит же? Если уж вам, таким искушенным гурманам, понравилось, то и другие оценят. Это же готовый бизнес-план!

Сэм почесал в затылке, обдумывая мои слова. Нил перестал тереть пол и с открытым ртом слушал, как я расписываю перспективы нашего будущего «соусного предприятия».

– А что... – протянул Сэм после некоторого раздумья. – А что, если и правда? Соусы-то у вас, леди, знатные получаются, тут не поспоришь. Может, и выгорит дельце. Только вот... лорд Вайрос, боюсь, такие ваши торговые порывы не оценит. Негоже леди из знатного рода на рынке торговать, да еще и бывшей... кхм... супруге Когтя Императора.

Его последние слова немного охладили мой пыл. Действительно, этот грозный дракон, который и так считал меня чуть ли не исчадием ада, вряд ли придет в восторг от того, что его бывшая (пусть и формально) жена решила заняться мелким бизнесом. Но отступить я не собиралась.

– А мы ему и не скажем, – я лукаво подмигнула Сэму. – По крайней

мере, пока наша соусная империя не станет настолько велика, что ему придется с этим смириться. К тому же, я теперь сама по себе. И мне нужно на что-то жить, не так ли? И ребенка кормить.

Упоминание ребенка заставило Сэма немного смягчиться. Он снова вздохнул.

– Ваша правда, леди. Дело это, конечно, рискованное, но... кто не рискует, тот кислый соус не ест, так ведь? Ладно. Только вот как это все организовать...

– А вот это мы и придумаем! – я решительно хлопнула в ладоши. – Начнем с малого. Сделаем небольшую партию, придумаем красивые баночки, этикетки... И попробуем предложить на местном рынке. А там – как пойдет! Главное – начать!

15

Вечер опустился на «Каменный Страж» быстро, окутывая поместье густыми сумерками. Я сидела у окна в своей комнате, рассеянно глядя на темнеющий сад. Усталость после дня, полного кулинарных экспериментов и огородных работ, приятно ломила мышцы, но мысли все еще крутились вокруг моих амбициозных планов по завоеванию местного рынка соусами.

Даже улыбнулась, представив, как Конардотреагирует, если узнает, что его бывшая жена, которую он сослал в эту глушь, стала успешной бизнес-леди. Скорее всего, его хватитудар. Или он лично примчится сюда, чтобы сжечь мою «империю» дотла.

За окном было тихо, только стрекотали какие-то ночные насекомые да изредка ухал филин. Однако что-то в этой тишине было... неправильным. Какое-то едва уловимое напряжение витало в воздухе, и я невольно поежилась, хотя в комнате было тепло от догорающего камина.

Внезапно тишину разорвал приглушенный, но отчетливый звук – треск сухой ветки где-то внизу, со стороны сада, примыкающего к дому. Я замерла, прислушиваясь. Может, просто какое-то животное? Но следом послышался еще один звук – тихий шорох, будто кто-то осторожно пробирался сквозь кусты.

Сердце тревожно екнуло. Я подошла ближе к окну, пытаясь что-то разглядеть в темноте, но видела лишь расплывчатые силуэты деревьев и кустов. И тут, на фоне более светлого участка неба, мелькнула темная фигура. Человеческая. Двигалась она быстро и как-то... хищно, пригибаясь к земле.

Не успела я даже испугаться по-настоящему, как снизу донесся короткий, сдавленный вскрик, а затем – глухой удар, будто что-то тяжелое упало на землю. И тут же, разрывая ночную тишину пронзительным визгом, закричала Тиви. Ее голос, полный неподдельного ужаса, был слышен даже через закрытые окна.

– А-а-а! Убивают! Помогите!

Меня охватила ледяная волна паники. Кровь застучала в висках. Что там происходит?! Не раздумывая, я рванула к двери.

Когда я выбежала на площадку лестницы, внизу уже царил переполох. Слышались торопливые шаги, мужские голоса. Я почти кубарем скатилась вниз и выскочила в холл.

Картина, представавшая моим глазам, была как из дурного сна. У самого входа в дом, на каменных плитах, лежал навзничь какой-то мужчина в темной, неприметной одежде. Лица его я не видела – оно было скрыто тенью. Рядом с ним, тяжело дыша, стоял Полан. В его руке была крепко сжата тяжелая дубовая палка, которой он, видимо, обычно подпирает какую-то дверь или использовал в хозяйстве. Его лицо было суровым и сосредоточенным, а на скуле алела свежая ссадина.

Чуть поодаль, прислонившись к стене и все еще всхлипывая от страха, стояла Тиви. А между ней и лежащим нападавшим, в какой-то напряженной, готовой к бою позе, застыла Анора. В ее руке не было корзинки с травами. Вместо этого она сжимала... обычный булыжник. Довольно увесистый, надо сказать. И вид у нее был такой, что я бы не рискнула подойти к ней слишком близко. Кажется, именно она и «оглушила» этого типа. Та самая тихая, скромная травница.

– Что... что здесь произошло? – мой голос прозвучал слабо и испуганно.

Полан обернулся на мой голос.

– Покушение, леди, – коротко бросил он, не сводя глаз с распростертого тела. – Я заметил следы у ограды еще днем, показалось подозрительным. Решил вечером обойти, проверить. А он... он уже через сад к дому крался. Прямо к вашим окнам, похоже, метил.

Анора медленно выпрямилась, ее плечи чуть опустились, но камень она из руки не выпустила.

– Я услышала шум, вышла посмотреть, – ее голос был на удивление спокойным, хотя щеки пылали. – Он уже почти у крыльца был. Тиви как раз воду несла, увидела его и закричала. Ну, я... что под руку попало.

Она кивнула на камень, и я невольно сглотнула. Вот тебе и «тихая травница». Похоже, у нее в прошлом были не только сборы цветочков.

В этот момент в холл стремительно вошли Джад и Вада. Джад, не говоря ни слова, подошел к лежащему, бесцеремонно перевернул его на спину. Мужчина был без сознания, из разбитого носа текла тонкая струйка крови. Обычное, ничем не примечательное лицо, грубая одежда. Наемник? Убийца?

– Надо его связать, – коротко сказал Джад, и взял веревку, которую ему подал Полан. – Вада, уведи леди. И Тиви успокой. Анора, Полан – молодцы.

Вада подошла ко мне, и ее обычно суровое лицо сейчас выражало что-то вроде... беспокойства? Или это мне опять показалось?

– Пойдемте, леди. Вам не стоит на это смотреть.

Меня трясло. Ноги подкашивались. Осознание того, что этот человек шел убивать *меня*, обрушилось со всей своей чудовищной реальностью. Это был не просто дурной сон, не игра воображения. Это была настоящая, смертельная опасность.

16

Вада усадила меня в кресло в моей комнате, принесла воды и даже попыталась что-то сказать успокаивающее, но ее слова тонули в шуме крови, стучавшей у меня в висках. Я все еще видела перед собой распростертое тело, кровь на лице убийцы, камень в руке Аноры... Меня трясло мелкой дрожью, и я никак не могла согреться, несмотря на то, что Вада заботливо укрыла мои плечи шалью.

– Это... это из-за меня, – прошептала я, глядя на свои дрожащие руки. – Он шел за мной. Кто? Кто мог послать его? Конард? Он же... он же просто выгнал меня. Зачем ему убивать?

Вада покачала головой, ее лицо оставалось непроницаемым, но в глазах я уловила тень сомнения.

– Лорд Вайрос... он суров, леди, но не подл. Убийство из-за угла – не его стиль. Скорее всего, это кто-то другой. У вас... или у вашего рода... могли быть враги, о которых вы не знаете. Или о которых лорд Вайрос не счел нужным вам сообщить, отправляя сюда.

Мы сидели в тишине, нарушаемой лишь треском дров в камине. Вада не уходила, просто молча находилась рядом, и ее присутствие, как ни странно, немного успокаивало. Она не лезла с расспросами, не пыталась изображать излишнее сочувствие, просто была здесь, как молчаливый, суровый страж.

И тут из глубины дома, откуда-то снизу, из подвальных помещений, донесся крик. Протяжный, полный боли и отчаяния. Мужской. У меня волосы на голове зашевелились. Это был не тот сдавленный вскрик, который я слышала в саду. Это был крик человека, которого... пытаются.

Я вскочила, сердце снова заколотилось, как бешеное.

– Что... что это? – мой голос дрогнул.

Вада тоже напряглась, ее взгляд стал жестким.

– Джад допрашивает наемника, – коротко ответила она. – Пытается выяснить, кто его послал. Это обычная практика, леди. Не обращайтесь внимания.

Не обращаться внимания? Как можно не обращать внимания на то, что где-то рядом, в этом же доме, человека подвергают пыткам? Я вспомнила лицо Конарда, когда он назвал меня шлюхой, его ледяную ярость. Вспомнила боль от клейма в храме. Неужели здесь все такие? Жестокие, безжалостные?

Снизу снова донесся крик, на этот раз более короткий, сдавленный, будто пытаемому зажали рот. А потом – глухие удары. Меня затошнило.

– Это... это неправильно, – прошептала я, чувствуя, как к горлу подступает ком. – Нельзя так...

Вада посмотрела на меня с каким-то странным выражением. Смесь удивления и... чего-то еще. Неужели снисхождения к моей наивности?

– Леди, это война. Пусть и тайная. Он пришел убить вас. Если Джад не выбьет из него имя заказчика, завтра пришлют другого. А потом еще. Вы хотите этого?

Я не знала, чего я хочу. Но мысль о том, что кто-то будет страдать из-за меня, здесь и сейчас, была невыносима.

Еще один крик, на этот раз оборвавшийся каким-то булькающим хрипом. Я не выдержала.

– Я... я должна это остановить, – сказала я, сама не веря своим словам, и, не дожидаясь ответа Вады, выбежала из комнаты.

Я почти бегом спустилась по лестнице, ориентируясь на звуки, которые теперь стали тише, но от этого не менее жуткими. Они доносились из двери, ведущей, по-видимому, в подвал. Дверь была приоткрыта, и из щели падал тусклый свет масляной лампы.

Собрав всю свою смелость, я толкнула дверь и вошла. Сырой, затхлый воздух ударил в лицо. Я оказалась на верхней ступеньке крутой каменной лестницы, ведущей вниз, в темноту. Оттуда доносился тихий стон и резкий, металлический запах крови.

– Джад? – позвала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо, хотя колени дрожали. – Джад, немедленно прекрати!

Внизу что-то зашевелилось. Через мгновение на лестнице появился Джад. В руке он держал тускло поблескивающий в свете лампы нож, на котором виднелись темные пятна. Его лицо было мрачным, сосредоточенным, а глаза... глаза были холодными и пустыми, как у человека, для которого насилие – привычная работа. В нем не было ничего от того строгого, но в целом корректного управляющего, которого я видела раньше. Сейчас передо мной стоял кто-то другой. Опасный.

– Леди Тиана? – он не выглядел удивленным, скорее, раздосадованным моим появлением. – Вам не следовало сюда спускаться. Здесь не место для... нежных особ.

– Я сказала, прекрати! – мой голос неожиданно для самой себя окреп, в нем зазвенели стальные нотки. Страх никуда не делся, но его пересилило какое-то отчаянное упрямство. – Что бы он ни сделал, это не дает тебе права его пытаться! Для этого должны быть... какие-то государственные структуры, стража, суд, я не знаю! Но не здесь! Не в этом доме! Я не позволю превращать это место в пыточную камеру!

Джад посмотрел на меня долгим, тяжелым взглядом. В его глазах не было ни удивления, ни гнева. Скорее, какая-то застарелая усталость и легкое, почти незаметное, презрение к моей наивности.

– Государственные структуры, леди? – он криво усмехнулся. – Здесь, на границе, мы сами себе структуры. Пока весть дойдет до столицы, пока оттуда пришлют кого-то... от вас и мокрого места не останется. Этот ублюдок пришел убить вас. Быстро и тихо. И если мы не узнаем, кто за этим стоит, придут другие. Такие же. И они не будут рассуждать о судах и законах.

– Но есть же какие-то пределы! – я не сдавалась, хотя его слова звучали пугающе убедительно. – Ты можешь его допросить. Но не... не так. Это бесчеловечно.

– Бесчеловечно? – Джад сделал шаг ко мне, и я невольно отступила. Его аура давила, заставляя сердце сжиматься. – А то, что он собирался сделать с вами, это человечно? Леди, вы живете в мире своих грез. А реальность... реальность такова, что иногда приходится пачкать руки, чтобы защитить то, что дорого. Или тех, кто доверен твоей защите.

Он помолчал, внимательно глядя мне в глаза, словно пытаясь что-то там прочесть.

– Хорошо, – неожиданно сказал он. – На сегодня достаточно. Я дам ему передышку. Но завтра мы продолжим. И он заговорит. Так или иначе. А вам, леди, советую вернуться в свою комнату. И постараться забыть об этом. Если сможете.

Он коротко кивнул и, не дожидаясь моего ответа, снова скрылся в темноте подвала. На этот раз криков больше не было. Только тишина, тяжелая и давящая, от которой звенело в ушах.

17

Конард

Шатёр пропах пылью, потом и терпким запахом карт, разложенных на грубо сколоченном столе. За тонкой тканью стен слышались приглушенные команды, лязг металла и ржание лошадей – обычные звуки военного лагеря, разбитого наспех у самой границы с проклятой Памбеей. Эти псы снова осмелели, совершив несколько дерзких вылазок на приграничные поселения Энаполиса, грабя и убивая. Император был в ярости, и мне, как его Когтю, пришлось в срочном порядке собирать легионы и выдвигаться сюда, чтобы навести порядок и показать этим степным шакалам, кто хозяин на этой земле.

Я склонился над картой, в очередной раз прокручивая в голове возможные маршруты для карательного рейда. Мои генералы уже высказали свои соображения, но окончательное решение было за мной. И оно должно было быть быстрым и безжалостным.

Внутри, в глубине груди, заворочался Зверь. Недовольно, тревожно. Он не понимал карт и стратегий, его волновало другое. Что-то далекое, едва уловимое, как запах озона перед грозой. *Она.*

Я стиснул зубы, отгоняя непрошеное беспокойство. Дракон внутри меня метался, рычал тихим, утробным рокотом, чувствуя какую-то неясную угрозу, направленную на... на нее. Тиану. Глупость. Просто остатки разорванной брачной связи, фантомные боли, которые со временем должны утихнуть. Она сама выбрала свою судьбу, сама втоптала в грязь мое имя и честь моего рода.

Я машинально потер запястье. Шрам, оставшийся после ритуала в храме, почти зажил, превратившись в уродливый багровый рубец. На моей коже, привыкшей к огню и стали, он выглядел чужеродно, как клеймо позора. И каждый раз, когда взгляд падал на него, в ушах звучали ее слова, брошенные с такой дерзкой, отчаянной злостью: *«Ко мне ты сможешь приехать только тогда, когда твои собственные зубы дотянутся до локтей. И то, я еще подумаю, открывать ли дверь».*

Я поморщился. Какого дьявола эта девчонка, эта изменница, смела так со мной разговаривать? И почему, несмотря на всю мою ярость и презрение, ее слова вызывали это мерзкое, сосущее чувство... вины? Бред. Я все сделал правильно. Она получила то, что заслужила.

Зверь внутри снова недовольно рыкнул, не соглашаясь. Его чутье, древнее, как сами горы, подсказывало, что что-то не так. Что та, кто должна была быть моей, сейчас в опасности.

Я резко выпрямился, с силой сжав кулаки. Она в «Каменном Страже». В моей крепости на границе, которую когда-то отстроили для совсем других целей. Там ее никто не достанет.

К тому же, я оставил с ней Ваду, Анору и Джада. Эти трое прошли со мной огонь, воду и не одну кровавую заварушку. Бывшие наемники, лучшие из лучших, которых я когда-то вытащил из такой грязи, что им до конца жизни не отмыться. Они преданы мне до мозга костей и знают, как защищать то, что принадлежит мне. Пусть даже это... опозорившая меня женщина. Она будет в безопасности. Должна быть.

Я снова склонился над картой, пытаюсь сосредоточиться на линиях фронта и передвижениях вражеских отрядов. Памбейцы должны заплатить за свою дерзость. А все остальное... все остальное не имело значения.

Дракон внутри затих, но не успокоился. Он просто затаился, продолжая прислушиваться к далекому, тревожному эху. И я знал, что это ненадолго.

18

После той ночи с покушением и криками из подвала, сон долго не шел ко мне. Каждый шорох за окном заставлял вздрагивать, а тени в углах комнаты казались живыми и угрожающими. Я чувствовала себя загнанным зверьком, постоянно ожидающим нападения.

На следующее утро, все еще чувствуя себя разбитой и напуганной, я решилась спросить у Джада о судьбе того наемника. Я застала управляющего в холле, он как раз отдавал какие-то распоряжения Полану.

– Джад, – я подошла, стараясь, чтобы голос не дрожал, – что... что с тем человеком? С тем, кто напал вчера?

Джад обернулся, его лицо было, как всегда, непроницаемым.

– Его допросили, леди, – коротко ответил он. – К сожалению, он оказался крепким орешком и не назвал своего заказчика. Или действительно не знал, кто стоит за этим. Сейчас он уже не представляет угрозы для вас. Его увезли. Можете не беспокоиться. Охрана поместья усилена.

Я кивнула, чувствуя одновременно и облегчение от того, что этот конкретный убийца больше не здесь, и новую волну страха от неизвестности. Кто-то хотел моей смерти, и этот кто-то все еще был на свободе.

Чтобы хоть как-то отвлечься от мрачных мыслей и убить время, я решила исследовать дом более основательно. Раз уж мне предстояло провести здесь неопределенное количество времени, стоило бы хотя бы узнать, где что находится.

«Каменный Страж» оказался довольно большим, хотя и не таким помпезным, как замок Конарда. Множество комнат, большинство из которых были пустыми и пыльными, длинные, гулкие коридоры, где мои шаги отдавались тревожным эхом. Слуги, по-прежнему немногословные и настороженные, встречались мне редко, и наши «беседы» обычно ограничивались короткими кивками.

В один из таких дней, блуждая по второму этажу, я наткнулась на дверь, которая выглядела массивнее и солиднее остальных. Ручка была покрыта патиной, но легко поддалась. За дверью оказалась... библиотека.

Я замерла на пороге, удивленная. Комната была не очень большой, но от пола до потолка ее занимали стеллажи, плотно уставленные книгами в тяжелых кожаных переплетах. В воздухе витал характерный запах старой бумаги, пыли и чего-то неуловимо-сладковатого, возможно, воска, которым натирали деревянные полки. Тусклый свет проникал сквозь единственное высокое окно, забранное витражным стеклом с каким-то гербом – кажется, я видела похожий на знаменах Конарда.

Это было неожиданно. Я почему-то думала, что такой грозный вояка, как Конард, не слишком жалуется книги. Хотя, с другой стороны, это поместье могло принадлежать его роду давно, и библиотека осталась от каких-нибудь более просвещенных предков.

Я прошла вглубь комнаты, проводя пальцами по корешкам книг. Названия были написаны на незнакомом мне языке, витиеватыми буквами. Но некоторые книги, к моему удивлению, были на языке, который я понимала – видимо, какой-то местный аналог «всеобщего».

Я вытащила наугад одну из таких книг. Она оказалась тяжелой, с пожелтевшими, ломкими страницами. Заголовок гласил: «Древние Роды Энаполиса и их Наследие». Я полистала ее, наткнулась на упоминание рода Вайрос – драконы, конечно, кто бы сомневался – и отложила в сторону. История местных аристократов меня сейчас волновала меньше всего.

Я бродила между стеллажами, выискивая что-нибудь, что могло бы меня заинтересовать. И тут мой взгляд упал на книгу, стоявшую особняком на нижней полке, почти скрытую

в тени. Она была меньше остальных, в простом темном переплете без каких-либо надписей на корешке. Что-то в ней привлекло мое внимание.

Я вытасила ее. Книга была старой, очень старой. Страницы пахли не просто пылью, а какой-то древностью, почти тленом. Я открыла ее наугад. Текст был написан от руки, каллиграфическим, но немного неровным почерком, чернила местами выцвели. И язык... он был похож на тот, что я понимала, но с какими-то архаичными оборотами и странными словами.

Заголовок у книги не было, она начиналась сразу с текста. Я присела в одно из глубоких кожаных кресел, стоявших у окна, и принялась читать, скорее от нечего делать, чем в надежде найти что-то интересное.

Первые страницы были посвящены каким-то туманным рассуждениям о природе магии, о мире видимом и невидимом, о гранях реальности. Скучновато. Я уже собиралась отложить книгу, как вдруг наткнулась на главу, название которой заставило меня замереть: «О Тех, Кто Ступает По Грани – Ходящие в Тенях».

Ходящие в тенях... Я вспомнила обрывок разговора служанок, Тиви и Палессы, который подслушала в первые дни. Они шептались о том, что леди Тиана из рода тех, кто «теньями ходит». Тогда я не придавала этому значения, сочтя бабскими сказками. Но сейчас...

Я начала читать внимательнее.

«...существует мир за гранью нашего, мир изначальной тьмы и вечного сумрака, – гласил древний текст. – Некоторые называют его Изнанкой, другие – Серым Пределом, но чаще всего мудрые именуют его просто Сумрак. Это не место для живых, ибо там нет ни света, ни тепла, ни самой жизни в нашем понимании. Сумрак – это эхо нашего мира, его искаженное отражение, сотканное из теней, страхов и забытых снов...»

У меня по спине пробежал холодок. Серое пространство, клубящиеся тени, отсутствие звуков и света... Описание было до ужаса похоже на то место, куда я провалилась на лестнице.

«...немногие из смертных рождаются с даром ступать в Сумрак. Их называют Ходящими в Тенях, или Тенеходцами. Этот дар – и благословение, и проклятие. Он дает им способность скользить между мирами, становиться невидимыми для обычного глаза, черпать силу из самой тьмы. Но Сумрак опасен. Он не любит чужаков, и его обитатели – голодные, бесформенные твари, порождения самой тьмы – всегда жаждут поглотить неосторожную душу, забредшую на их территорию...»

Когтистая тварь, метнувшаяся ко мне... Голодные обитатели Сумрака... Я судорожно сглотнула. Неужели тот случай на лестнице был не просто странным обмороком или галлюцинацией? Неужели я действительно... побывала там?

Книга описывала, как Тенеходцы могут использовать свой дар, как учатся контролировать переходы, как защищаются от опасностей Сумрака. Говорилось о каких-то амулетах, о силе воли, о... свете. *«Даже самый слабый свет истинной веры или чистой души может опалить тварей Сумрака, ибо они суть порождения тьмы и не выносят ничего, что несет в себе искру жизни и света...»*

Чеснок! Тот самый чеснок, который так внезапно нагрелся у меня в руке и заставил тварь отпрянуть! Мог ли он быть... тем самым «светом»? Это звучало безумно, но... мысль эта почему-то не отпускала.

Я читала дальше, не в силах оторваться, пока последние лучи закатного солнца не перестали освещать страницы. Голова гудела от новой информации, а сердце колотилось от смеси страха и какого-то странного, болезненного любопытства.

19

Я сидела в своей комнате, пытаюсь переварить прочитанное. Книга о «Ходящих в Тенях» лежала на столике рядом, и я то и дело бросала на нее тревожные взгляды. Мысли о Сумраке, о тварях, о собственном, возможном, даре не давали покоя. Снаружи уже давно стемнело, за окном бушевала летняя гроза – молнии то и дело озаряли комнату, а раскаты грома сотрясали стены. Ее заунывные раскаты только усиливали мое беспокойство.

Внезапно снизу, из холла, донесся какой-то шум. Негромкий, но в ночной тишине поместья отчетливо слышный – голоса, торопливые шаги. Я напряглась. После недавнего покушения любой неожиданный звук заставлял сердце сжиматься от дурного предчувствия. Уж не почтальон ли это с весточкой от Конарда в стиле: "Дорогая бывшая, надеюсь, ты там еще не окочурилась?"

Я подошла к двери, прислушалась. Кажется, кто-то приехал. Но кто мог явиться в «Каменный Страж» так поздно, да еще и в такую непогоду? Неужто налоговый инспектор по душу моих будущих чесночных миллионов?

Не прошло и нескольких минут, как в мою дверь тихонько постучали.

– Леди Тиана? – раздался голос Вады, как всегда ровный и бесстрастный. – К вам гостя.

Гостя? Ко мне? В этот забытый богами уголок? Неужели сам Конард решил проверить, не сбежала ли я с фамильным серебром? Я с удивлением открыла дверь. Вада стояла на пороге, и за ее спиной... я увидела знакомую фигуру.

– Ты? – вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать. Ну вот, здравствуйте, приехали. Кажется, сегодня вечер сюрпризов.

Блондинка, собственной персоной. В дорожном плаще, с которого стекала вода, с растрепанными от ветра и влаги волосами, она выглядела промокшей, но от этого не менее ангельски. Просто вылитый ангел с обложки журнала "Святые и страдальцы". Увидев меня, она тут же просияла, будто я – последняя надежда человечества, а не просто ссыльная девица с сомнительной репутацией.

– Тианочка, милая! – она шагнула ко мне, раскинув руки для объятий. Я инстинктивно отступила на шаг, и ее руки неловко повисли в воздухе. Упс, кажется, не рассчитала дистанцию для сестринских нежностей. На мгновение на ее лице мелькнуло что-то похожее на обиду, но тут же сменилось прежней лучезарной улыбкой, способной растопить ледники Гренландии. – Прости, я, наверное, напугала тебя своим поздним визитом. Так спешила к тебе, так волновалась, что совсем не подумала о времени. Дорога была ужасной, этот ливень, гроза... Но я не могла больше ждать! Я должна была увидеть тебя, убедиться, что ты в порядке!

Она говорила быстро, немного запыхавшись, и в ее голосе звучала такая неподдельная забота, такое искреннее беспокойство, что у меня внутри что-то неприятно шевельнулось. Ну да, конечно, так волновалась, что чуть карету по дороге не потеряла. А я, значит, должна сейчас расплакаться от умиления и броситься ей на шею.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более нейтрально. Хотя внутри все кричало: «Чего приперлась, змея подколотная?»

– Как что? – она удивленно захлопала своими длинными ресницами, невинными, как у новорожденного олененка. – Я же сказала, я приехала к тебе, сестренка! Узнала, что Конард... ну, что он отправил тебя сюда... Я так переживала! Это же так далеко, так глухо! Тебе, наверное, здесь очень одиноко и страшно. Я привезла тебе немного вещей, твои любимые сладости, книги... – она кивнула на небольшой, тоже промокший, саквояж, который Вада молча внесла в комнату. О, сладости! Наверное, с мышьяком, для особо любимой сестры. – Я хотела приехать раньше, но Конард... он был так зол, я боялась его еще больше расстроить. Но сегодня я не выдержала. Просто собралась и поехала.

Она говорила, а я смотрела на нее и пыталась найти хоть малейший изъян в ее идеальном образе. Тщетно. Прямо хоть сейчас на конкурс "Мисс Искренность и Добродетель". И это пугало меня больше всего. Если она так искусно лжет, то на что она еще способна? Может, она еще и вышивать крестиком умеет, пока планирует мое очередное "случайное" падение с лестницы?

– Ты... ты не должна была так рисковать, – сказала я, потому что нужно было что-то сказать. – Погода действительно ужасная. Вдруг бы молнией в карету шарахнуло? Такой трагический конец для такой заботливой сестры.

– Пустяки! – она беззаботно махнула рукой, будто отгоняя назойливую муху, а не воспоминания о смертельной опасности. – Ради тебя я готова на все! Позволь мне остаться хотя бы на пару дней, а? Я составлю тебе компанию, мы поболтаем, как раньше. Тебе ведь сейчас так нужна поддержка. А то вдруг ты тут от скуки начнешь с привидениями разговаривать или, чего доброго, бизнес откроешь.

Она подошла ко мне ближе, взяла мои руки в свои. Ее ладони были теплыми, мягкими. Она заглянула мне в глаза с такой искренней тревогой, что я почувствовала себя последней сволочью за свои подозрения. Ну, или она просто очень хорошая актриса, достойная "Оскара" в номинации "Лучшая роль второго плана в драме моей жизни".

Я не знала, что делать. Выгнать ее? Устроить скандал? Но на каком основании? Она не сделала ничего плохого. Наоборот, вела себя как образец добродетели. "Дорогая сестра, не желаете ли чашечку чая с небольшим количеством яда? Чисто по-сестрински."

Вада, все это время молча стоявшая у двери, кашлянула. Видимо, решила, что сестринские нежности затянулись, и пора бы уже и честь знать.

– Леди Айла, полагаю, вам следует отдохнуть после дороги. Я распоряжусь приготовить для вас комнату.

– О, спасибо, Вада, вы так любезны, – Айла одарила ее своей ослепительной улыбкой, от которой, наверное, даже у Вады должны были растаять ее ледяные доспехи. – Я действительно очень устала. Тианочка, мы поговорим завтра, хорошо? А сейчас тебе тоже нужно отдыхать. Ты выглядишь такой бледной и измученной. Наверное, плохо спишь по ночам? Может, кошмары снятся?

Она легонько сжала мои руки на прощание и, в сопровождении Вады, вышла из комнаты. Я осталась одна, глядя на закрывшуюся дверь. Ее визит был как гром среди ясного неба. И предчувствие чего-то очень нехорошего, приправленное изрядной долей сарказма по поводу ее "искренности", тяжелым камнем легло на душу.

20

Утро следующего дня началось с того, что Айла, свежая, как майская роза (несмотря на вчерашнюю «ужасную дорогу»), уже порхала по дому, излучая оптимизм и сестринскую любовь в промышленных масштабах. Она принесла мне завтрак в постель – какие-то воздушные булочки, которые, по ее словам, она «уговорила Сэма испечь специально для меня», и чашку ароматного травяного чая.

– Доброе утро, соня! – проворковала она, ставя поднос мне на колени. – Как спалось после вчерашней грозы? Я так волновалась, что ты испугаешься.

Я пробормотала что-то невразумительное. Спалось мне отвратительно. Образ Айлы, смешиваясь с тенями из прочитанной книги и воспоминаниями о покушении, создавал в голове такой калейдоскоп, что уснуть было почти невозможно.

Айла же, казалось, была полна энергии. Она щебетала без умолку, рассказывая какие-то светские новости из столицы (которые были мне до лампочки), восхищалась «суровой красотой» «Каменного Стража» (ага, особенно подвалом, где Джад проводит свои «беседы») и уверяла меня, что скоро все наладится, Конард остынет, и мы вернемся к прежней жизни. Какой «прежней жизни», она, правда, не уточнила. Уж точно не моей.

В течение дня я наблюдала, как Айла буквально очаровывает часть прислуги. Тиви смотрела на нее с обожанием, как на сошедшую с небес богиню, и ловила каждое ее слово. Нил, наш неуклюжий кухонный помощник, при виде Айлы краснел, как рак, ронял все из рук и смотрел на нее такими откровенно влюбленными глазами, что это было бы смешно, если бы не было так... предсказуемо. Даже Сэм, наш суровый повар, кажется, поддался ее обаянию. По крайней мере, обед сегодня был на удивление изысканным, а сам Сэм нет-нет да и бросал на Айлу какие-то смущенно-восхищенные взгляды, когда она хвалила его стряпню.

Меня это немного... задевало. Нет, не то чтобы я ревновала. С какой стати? Просто было неприятно видеть, как легко эта фальшивка завоевывает симпатии. Я-то тут, можно сказать, революцию устраиваю – чеснок сажаю, соусы изобретаю, от убийц отбиваюсь, – а они все равно ведутся на милую мордашку и сладкие речи. Люди, люди...

Но потом я заметила кое-что еще. Джад, наш молчаливый и суровый управляющий, при появлении Айлы становился еще более замкнутым и непроницаемым. Его взгляд, когда он смотрел на нее, был холодным и оценивающим, без тени того смущения, которое сквозило во взглядах Сэма или Нила. Вада тоже держалась с Айлой подчеркнуто официально, ее ответы были короткими и по существу, а в ее обычном спокойствии мне чудилась какая-то затаенная настороженность.

А Анора... Тихая Анора, наша травница с сильными руками и неженским умением обращаться с булыжниками, вообще старалась избегать Айлу. Если они случайно сталкивались в коридоре, Анора быстро опускала глаза, что-то бормотала себе под нос и старалась как можно скорее ретироваться. И когда Айла пыталась завести с ней разговор, восхищаясь ее знанием трав, Анора отвечала односложно, и в ее глазах я видела то же самое недоверие, которое испытывала сама.

Это наблюдение немного меня успокоило. Значит, не я одна такая подозрительная и «неблагодарная» сестра. Значит, не только мне ее ангельское поведение кажется... игрой. И то, что такие опытные и, как я начинала понимать, не самые простые люди, как Джад, Вада и Анора, тоже не спешат очаровываться моей «милой сестренкой», говорило о многом.

Вечером Айла предложила посидеть у камина в моей комнате. Она принесла с собой вышивание – какую-то невероятно сложную цветочную композицию – и снова принялась щебетать о пустяках, время от времени бросая на меня «заботливые» взгляды и расспрашивая, не

скучаю ли я, не нужно ли мне чего-нибудь. Я же, убаюканная ее монотонным голосом и теплом огня, незаметно для себя начала дремать, уронив на колени книгу о «Ходящих в Тенях».

Внезапно я ощутила, как Айла замолчала. Я приоткрыла один глаз. Она больше не вышла. Наклонившись вперед, она внимательно, с каким-то странным, хищным интересом, смотрела на раскрытую книгу на моих коленях. Ее пальцы медленно, почти гипнотически, тянулись к одной из страниц.

21

Я резко дернулась, окончательно просыпаясь. Айла тут же отпрянула, ее рука замерла в воздухе, не коснувшись книги. На ее лице снова было выражение ангельской невинности, будто она просто любовалась моим мирным сном.

– Ой, Тианочка, прости, я тебя разбудила? – ее голос был полон притворного раскаяния. – Ты так сладко спала, я не хотела мешать. Просто... заинтересовалась, что это ты такое интересное читаешь? Такая старая книга...

Ее взгляд снова метнулся к раскрытым страницам, и я невольно прикрыла книгу рукой. Что-то в ее любопытстве было слишком настойчивым, слишком... целенаправленным.

– Да так, ерунда, – я постаралась говорить как можно беззаботнее, быстро закрывая книгу и откладывая ее на столик. – Старые сказки. Знаешь, от скуки чего только не начнешь читать. Айла улыбнулась, но в ее глазах мелькнул какой-то странный огонек.

– Сказки, говоришь? Ну, иногда и в сказках бывает доля правды, не так ли?

В этот момент в дверь постучали, и вошла Анора с подносом, на котором стояли две дымящиеся чашки.

– Вечерний отвар, леди, – сказала она своим обычным спокойным голосом, но, ставя чашки на стол, ее взгляд на мгновение задержался на книге, которую я только что отложила. Я заметила, как ее брови чуть заметно дрогнули.

– О, Анора, спасибо, ты как всегда вовремя! – прочирикала Айла, беря свою чашку. – Твои отвары просто восхитительны! Они так успокаивают.

Анора коротко кивнула, не удостоив Айлу ответом, и, пожелав нам доброй ночи, вышла. Я взяла свою чашку. Отвар действительно приятно пах травами и немного согревал. Мы еще некоторое время посидели в молчании, Айла снова принялась за свое вышивание, а я делала вид, что рассматриваю узоры на ковре, хотя все мои мысли были заняты ее странным интересом к книге и мимолетной реакцией Аноры.

Вскоре Айла, сославшись на усталость, удалилась в свою комнату. Я осталась одна, но чувство тревоги не покидало меня. Я снова взяла в руки книгу о «Ходящих в Тенях». Неужели Айла что-то знает? Или это просто мои разыгравшиеся нервы?

Я уже собиралась ложиться спать, когда в дверь снова тихонько постучали. На этот раз это была Анора. Она вошла, плотно прикрыв за собой дверь, и ее лицо было серьезнее обычного.

– Леди, могу я... на пару слов? – спросила она почти шепотом.

Я кивнула, чувствуя, как сердце начинает биться чаще.

Анора подошла ближе.

– Та книга... которую вы читали, – она понизила голос еще больше. – О тенях... Будьте осторожны с этим, леди. Очень осторожны. Тени... они не любят, когда в них заглядывают те, кто не готов. И они... они могут быть очень опасны.

Ее слова прозвучали так серьезно, так убедительно, что у меня по спине пробежал холодок.

– Ты... ты что-то знаешь об этом, Анора? – спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Анора на мгновение отвела взгляд, словно борясь с собой.

– Я знаю, что некоторые старые рода... они связаны с тенями. И что это не всегда безопасно. Просто будьте очень осторожны, леди. И если вам когда-нибудь понадобится помощь или просто поговорить...

Она не договорила, но в ее взгляде я увидела не просто предостережение, а какое-то затаенное знание и, возможно, даже сочувствие.

– Спасибо, Анора, – сказала я искренне. – Я буду осторожна.

Когда она ушла, я еще долго сидела, обхватив колени руками. Предостережение Аноры, наложившись на прочитанное в книге и странное поведение Айлы, создавало очень тревожную картину. Тени... Сумрак... Все это было слишком реально, чтобы отмахнуться.

Я встала, подошла к комоду, где хранила свои немногие вещи. Достала несколько головок чеснока, которые припрятала еще после первой «прогулки» в Сумрак. Тот самый чеснок, который, возможно, спас мне тогда жизнь. С этого дня я решила носить пару зубчиков с собой постоянно. В кармане платья. Просто на всякий случай.

Внезапно рука, где выше локтя скрывался тот странный, появившийся из ниоткуда браслет-татуировка, сильно запульсировала, а потом ее обожгло резким, почти нестерпимым жаром, заставив меня вскрикнуть и схватиться за плечо.

Что это, черт возьми, такое?!

22

Боль была такой резкой и неожиданной, что я вскрикнула, инстинктивно хватаясь за плечо. Рука, там, где под тканью платья скрывался этот чертов браслет-татуировка, горела так, будто к ней приложили раскаленное железо.

Кожа под пальцами пульсировала жаром, а сам узор, казалось, светился даже сквозь одежду. Я с ужасом смотрела на свое плечо, не понимая, что происходит. Это какая-то аллергия? Проклятие? Или этот мир решил окончательно меня добить?

В этот момент в дверь тихонько постучали.

– Леди Тиана? – раздался немного испуганный голос Палессы. – Все в порядке? Я... я просто хотела спросить, не нужно ли приготовить вам ванну на ночь?

Ванна! Сейчас мне было не до ванны. Мне нужно было понять, что, черт возьми, творится с моей рукой!

Не раздумывая, я рванула к двери и распахнула ее так резко, что Палесса, стоявшая на пороге с каким-то полотенцем в руках, отшатнулась от неожиданности.

– Леди?!

– Заходи! – я схватила ее за руку и буквально втащила в комнату, захлопнув за ней дверь. Бедная девушка смотрела на меня огромными, испуганными глазами, явно не понимая, что происходит.

– С-случилось что-то, леди? – пролепетала она, озираясь по сторонам, будто ожидая увидеть в комнате разбойников или, на худой конец, привидение.

– Случилось! – я подтащила ее к кровати и почти силой усадила на край. – Смотри!

Не давая ей опомниться, я задрала рукав своего платья, обнажая плечо. Я ожидала увидеть там пылающий огнем узор, но... ничего. Жар спал так же внезапно, как и начался, оставив после себя лишь легкое покалывание и фантомное ощущение ожога. А сама татуировка... она изменилась.

– Раньше она была... бледной, – сказала я, растерянно глядя на свою руку. – Едва заметной, как старый шрам. А теперь... смотри, какая она стала! Черная, четкая...

Палесса сначала испуганно смотрела на меня, потом ее взгляд сфокусировался на моей руке. Она медленно наклонилась, внимательно разглядывая татуировку. Удивление на ее лице сменилось... чем-то еще. Каким-то странным, почти благоговейным выражением.

– Святые угодники... – прошептала она, и ее глаза округлились еще больше. – Так вот оно что...

– Да что «оно»?! – не выдержала я. – Ты знаешь, что это? Говори!

Палесса осторожно, почти благоговейно, коснулась пальцем татуировки на моем плече. Я невольно вздрогнула, но ее прикосновение было легким и прохладным.

– Она... она приняла полную форму, леди, – тихо сказала она, проводя пальцем по четким черным линиям. – Это очень хороший знак.

– Хороший знак чего? – я все еще ничего не понимала. – Что это за клеймо вообще?

Палесса подняла на меня свои большие, немного наивные глаза, в которых сейчас горел какой-то странный огонек.

– Разве вы не знаете, леди? Это же... это знак Истинной Пары. Так говорят старые легенды. У каждого дракона, рожденного под сенью Древних, есть его единственная, его истинная. Та, что предназначена ему судьбой, самой магией этого мира. И когда они находят друг

друга, когда их связь пробуждается... на теле истинной появляется такой знак. Он как печать их союза, видимая и невидимая одновременно.

Истинная пара... Дракон... Конард... У меня голова пошла кругом. Этого не может быть. Это какой-то бред. Я – истинная пара этого... этого чудовища, которое меня ненавидит? Которое само же разорвало со мной брак?

– Но... наш брак расторгнут, – прошептала я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. – Ритуал... он был таким болезненным. И эта татуировка... она была бледной с самого начала, как я ее заметила!

Палесса на мгновение задумалась, ее брови сошлись на переносице.

– Может быть... может быть, из-за того, что вы уже были связаны брачными узами с лордом Вайросом, леди? – предположила она неуверенно. – Связь истинных – она ведь другая, более глубокая, духовная. А обычный брак... он мог как бы... мешать ей проявиться в полную силу. Татуировка уже начала появляться, потому что вы – его истинная, но не могла стать яркой из-за другой, более формальной связи. А когда брак расторгли... Силы дракона могли быть временно приглушены ритуалом, и связь истинных тоже. Но теперь... теперь, когда все улеглось, когда формальные узы разорваны, а магия лорда Вайроса восстановилась... ваша истинная связь вошла в полную силу. И знак... он стал таким, каким и должен быть. Ярким и четким.

Она говорила это с такой убежденностью, с таким знанием древних преданий, что я почти поверила ей. Почти.

– И что это значит... теперь? – спросила я, боясь услышать ответ.

– Это значит, что связь крепнет, – уверенно сказала Палесса. – Или... или ваш дракон сейчас очень сильно думает о вас. Или... – она вдруг понизила голос до едва слышного шепота, и ее глаза испуганно расширились, – или он в большой беде, и его магия вызывает к вам.

23

Конард

Проклятая девчонка.

Эта мысль, непрошенная и назойливая, как степная муха, преследовала меня уже несколько дней. С тех самых пор, как Зверь внутри начал свое беспокойное метание. Я пытался заглушить ее грохотом сражений, лязгом стали, криками умирающих. Но она возвращалась. Снова и снова. В редкие минуты затишья между стычками, в холодные ночи в продуваемом всеми ветрами шатре, даже во сне, являясь в виде ее дерзких, полных презрения глаз.

Тиана.

Я гнал ее образ прочь, топил в вине, выжигал яростью боя. Но она, как болотный огонек, манила и ускользала, оставляя после себя лишь глухое, сосущее беспокойство.

Дракон внутри меня тоже не унимался. Он рычал, скреб когтями по ребрам изнутри, требуя чего-то, чего я не мог или не хотел ему дать. Он чувствовал ее. Даже на расстоянии, сквозь завесу войны и моей собственной злости. И его тревога передавалась мне, отравляя мысли, мешая сосредоточиться.

Я пытался убедить себя, что это просто остатки брачной связи. Фантомные ощущения, которые скоро пройдут. Но с каждым днем эта уверенность таяла, как снег под весенним солнцем. Связь истинных... она была другой. Более глубокой, более... первобытной. И то, что я чувствовал сейчас, было слишком похоже на нее.

Чтобы отвлечься, я с головой ушел в войну. Памбейцы оказались на удивление упорными и хитрыми противниками. Они не лезли в открытый бой, предпочитая тактику мелких, изматывающих набегов, засад, ловушек. Приходилось постоянно быть начеку, просчитывать каждый свой шаг, лично вести легионы в самые опасные места.

Дважды я был ранен. Первый раз – стрела, пущенная каким-то степным снайпером, пробила доспех на плече. Пустяковая царапина для дракона, но достаточно болезненная для человека. Второй раз – в одной из стычек, когда мы выбивали памбейцев из захваченной ими деревни, мне распорили бедро кривым степным клинком. Рана была глубже, пришлось лекарям повозиться.

Боль отвлекала. Заставляла сосредоточиться на настоящем, на выживании, на мести. Но как только жар боя спадал, как только я оставался один, мысли о ней возвращались с новой силой.

Я вспоминал ее лицо в храме, искаженное болью и ненавистью. Ее слова, брошенные с такой яростной гордостью. И этот уродливый шрам на моем запястье, который почему-то болел сильнее, чем свежие раны.

«Она в безопасности, – твердил я себе. – В «Каменном Страже» ее никто не тронет. Вада, Джад, Анора... они присмотрят».

Но Зверь внутри не верил. Он продолжал метаться, предчувствуя что-то, чего я не мог понять своим человеческим разумом. И его тревога, его тоска по той, кто должна была быть нашей, становилась моей собственной.

Я выругался сквозь зубы, отшвырнув в сторону кубок с недопитым вином. Нужно было что-то делать. С этой войной. С этими мыслями. С этим проклятым драконом внутри меня, который, кажется, решил окончательно свести меня с ума своей одержимостью девчонкой, предавшей меня.

Но что я мог сделать? Признать, что она... моя истинная? После всего, что было? После ее измены? Нет. Никогда.

Я поднялся, подошел к выходу из шатра. Ночь была холодной и звездной. Где-то там, далеко на западе, за горами и лесами, была она. И я, к своему собственному ужасу и ярости, не мог перестать о ней думать.

24

После разговора с Палессой и ее пугающих предположений о моей «истинной связи» с Конардом, я решила, что пора действовать. Сидеть сложа руки и ждать, пока меня сожрут какие-нибудь сумрачные твари (если верить книге) или очередной наемник, было не в моих правилах, беременность не беременность.

Книга о «Ходящих в Тенях» стала моим главным учебником. Я внимательно изучала главы, посвященные начальным этапам контроля над даром. Оказалось, что пугающий Сумрак – это уже высший пилотаж, опасное и энергозатратное путешествие между мирами. Для новичков же первым шагом было умение «сливаться с тенью», использовать ее как укрытие, как покров.

«Тень – это не просто отсутствие света, – гласил древний текст. – Это тонкая завеса между мирами, место силы для тех, кто несет в себе Искру Тени. Научись чувствовать ее, дышать ею, становиться ею, и она укроет тебя от чужих глаз, сделает невидимой, неслышной...»

Звучало заманчиво. И, как мне показалось, гораздо безопаснее, чем нырять в тот жуткий серый мир с когтистыми тварями. К тому же, беременность накладывала свои ограничения – я не могла позволить себе слишком рисковать или тратить много сил.

Моим полигоном для тренировок стали густые тени, которые отбрасывали старые деревья в саду «Каменного Стража». Я приходила туда, когда была уверена, что Тиви и другие обитатели поместья заняты своими делами, и Айла не слоняется поблизости со своей показной заботой.

И, конечно, чеснок. Пара зубчиков всегда была со мной. Книга не упоминала чеснок как защиту от простого «слияния с тенью», но после моего опыта с Сумраком я решила, что лишняя «магическая» подстраховка не помешает. Мало ли какие сюрпризы таит в себе даже обычная тень.

Я выбирала самую густую тень под одним из раскидистых старых деревьев. Закрывала глаза, пыталась расслабиться, как советовала книга. *«Почувствуй прохладу тени, ее глубину, ее тишину. Позволь ей окутать тебя, принять в свои объятия...»*

Сначала ничего не получалось. Я просто стояла, как дура, под деревом, прислушиваясь к каждому шороху и боясь, что меня вот-вот застучают. Но постепенно, день за днем, я начала что-то ощущать. Тень перестала быть просто отсутствием солнца. Она стала... плотнее, гуще. Я чувствовала, как она словно обволакивает меня, как мир вокруг становится немного другим.

И однажды это произошло. Я стояла в тени дерева, сосредоточившись на своих ощущениях, и вдруг поняла, что все вокруг изменилось. Не так кардинально, как при попадании в Сумрак. Нет, я все еще была в саду, слышала пение птиц, шелест листьев. Но все цвета стали... приглушенными, словно я смотрела на мир сквозь темные очки. Звуки тоже стали тише, как будто доносились издалека. Я протянула руку – она была видна, но казалась какой-то полупрозрачной, подернутой легкой дымкой.

Я сделала шаг – и поняла, что двигаюсь почти бесшумно. Огляделась. Сад выглядел так же, но в нем появилась какая-то... глубина, которой я не замечала раньше. Я была здесь, но в то же время – немного в стороне, скрытая этим странным теневым покровом.

«Получилось!» – мысленно возликовала я. Это было не так страшно, как Сумрак, и не так изматывающе. Я чувствовала себя немного уставшей, но не более того.

Я сделала еще несколько шагов, наслаждаясь новым ощущением. Это было похоже на игру в прятки, только пряталась я от всего мира. Я даже хихикнула, представив, как бы отреагировала Тиви, если бы прошла сейчас мимо и не заметила меня.

Увлечшись, я вышла из-под дерева на солнечный пятачок, и мир тут же вернулся к своей обычной яркости. Потом снова шагнула в тень – и снова это странное, приглушенное восприятие. Это было потрясающе!

Я решила попробовать пройтись немного дальше, оставаясь в тени от деревьев и кустов. Это требовало концентрации – нужно было постоянно «чувствовать» тень, не выходить из нее. Но с каждым шагом получалось все лучше. Я даже рискнула выглянуть из-за большого куста сирени, когда услышала неподалеку голос Тиви, что-то напевающей себе под нос. Она прошла совсем рядом, буквально в двух шагах, и даже не посмотрела в мою сторону!

Победа! Маленькая, но такая важная.

Я уже собиралась «выйти» из тени и сделать вид, что просто гуляю по саду, как вдруг услышала за спиной тихий, до боли знакомый, приторно-сладкий голос:

– Тианочка, милая, а что это ты тут делаешь, в такой глуши, совсем одна? Прячешься от кого-то?

Я резко обернулась, сердце ухнуло куда-то в пятки. Прямо за мной, на границе тени и света, стояла Айла. И смотрела на меня своим обычным «ангельским» взглядом, но в ее глазах плясали какие-то очень нехорошие, понимающие огоньки. Она что, видела?!

25

К моему огромному облегчению, Айла долго в «Каменном Страже» не задержалась. На следующее утро после того, как она застала меня в саду (и я до сих пор не была уверена, видела она что-то или нет, но ее понимающие огоньки в глазах заставляли нервничать), она объявила за завтраком, что ей срочно нужно возвращаться в столицу.

– Дела, милая, дела! – щебетала она, намазывая маслом булочку. – Я бы с радостью осталась с тобой подольше, но ты же понимаешь, столичная жизнь, обязанности... Я обязательно скоро снова тебя навещу! И привезу еще больше гостинцев!

Я чуть не подавилась чаем от такого заявления. «Обязательно навещу» звучало как угроза. Но я постаралась изобразить на лице подобающую случаю сестринскую печаль.

– Конечно, Айла, я понимаю. Дела есть дела. Спасибо, что приехала.

Провожать ее я не пошла, сославшись на легкое недомогание (беременность – отличный повод для таких отмазок). Но когда карета Айлы скрылась за поворотом дороги, я вздохнула с таким облегчением, будто с плеч свалился мешок с камнями. Или с ядовитыми змеями.

Днем ранее в поместье царило некоторое оживление – приехал возница из ближайшего городка с продуктами. Обычно такие поставки были регулярными, но в этот раз телега запоздала на несколько дней. Из обрывков разговоров, которые я подслушала на кухне, пока Сэм принимал товар, я поняла, что на границе беспокойно. Возница, словоохотливый мужичок, рассказывал Нилу и Палессе о каких-то стычках с памбейцами – кочевниками из-за восточных гор.

Говорил, что лорд Вайрос со своей армией где-то там, наводит порядок, и что из-за этого на дорогах стало опаснее, а поставки идут с перебоями. Памбейцы... Война... Имя Конарда снова прозвучало в контексте сражений и опасности. Новость была тревожной, и хотя меня мало волновала судьба моего «бывшего», но мысль о войне где-то рядом и возможных перебоях со снабжением только укрепила меня в мысли, что нужно становиться более независимой.

Освободившись от бдительного ока «любящей сестрицы» и подстегнутая новостями о нестабильности на границе, я решила, что пора переходить от теории к практике. Тем более что на моих грядках уже дружно зеленели первые всходы чеснока, обещая будущий урожай и процветание моего маленького предприятия. Чесночная и соусная империи сами себя не построят!

Сэм, вдохновленный моими кулинарными успехами и перспективой дополнительного заработка (или просто уставший от однообразной кухонной рутины), с энтузиазмом взялся за подготовку «товарной партии».

Мы наварили несколько видов соусов – мой фирменный «Белый Огонь», экзотический «Драконий Поцелуй» и еще один, на основе печеных яблок с пряностями, который я назвала «Шепот Осени» (хотя какая, к черту, осень, когда на дворе лето, но название звучало красиво и загадочно). Разлили все это по небольшим глиняным горшочкам, которые Анора помогла раздобыть где-то в кладовых. Этикетки я нарисовала сама, углем на кусочках пергамента – получилось немного коряво, но с душой.

Главным же нашим товаром, помимо соусов, был, конечно, дикий чеснок, который мы с Анорой успели собрать до того, как он весь перекочевал на грядки. Тот самый, который я героически спасла от уничтожения и который, как я надеялась, станет сенсацией на местном рынке.

В качестве «транспортного средства» и «грузчика» вызвался Полан. Он погрузил наши горшочки и несколько плетеных корзин с отборным чесноком на небольшую, но крепкую телегу, запряженную спокойной старой кобылой. Сэм, нарядившись в свой самый чистый фар-

тук, тоже решил составить нам компанию – видимо, чтобы лично проконтролировать процесс и, если что, защитить наши «кулинарные шедевры» от недобросовестных покупателей.

Рынок в ближайшем городке, до которого мы добирались почти два часа по пыльной дороге, оказался довольно оживленным. Шум, гам, запахи жареного мяса, свежей выпечки, каких-то незнакомых пряностей... Торговцы наперебой расхваливали свой товар, покупатели придирчиво выбирали, торговались, смеялись. Атмосфера была самая что ни на есть рыночная.

Мы с трудом нашли свободное место под навесом, рядом с какой-то бойкой теткой, торговавшей глиняными горшками. Полан разложил наш товар, а я, стараясь придать себе самый деловой и уверенный вид, приготовилась к «продажам».

Сначала на нас никто не обращал особого внимания. Местные жители с подозрением косились на незнакомые горшочки и на меня – явно не похожую на обычную рыночную торговку. Но потом к нам подошел какой-то пузатый мужичок в засаленном фартуке – видимо, местный трактирщик или повар. Его наметанный взгляд сразу выцепил корзины с чесноком.

– Это что у вас за луковицы такие диковинные? – пробасил он, бесцеремонно ткнув пальцем в одну из головок. – Пахнут... занятно. Остро.

– Это не просто луковицы, уважаемый, – с достоинством ответила я, вспоминая все свои познания в области маркетинга из прошлой жизни. – Это чеснок! Уникальное лекарственное и кулинарное растение! Придает блюдам неповторимый вкус и аромат, а также обладает целебными свойствами! Попробуйте – не пожалеете!

Трактирщик хмыкнул, но любопытство, кажется, взяло верх. Он отломил маленький кусочек от зубчика, который я ему предложила, и осторожно пожевал. Его глаза удивленно расширились.

– А ведь... и правда! Остро,пряно... Для мяса – самое то будет! И для похлебки! Сколько просишь за эту... э-э-э... чесноку?

Я назвала цену. Немного завышенную, конечно, – эксклюзив же! Трактирщик поворчал для порядка, поторговался, но в итоге выкупил у нас почти всю партию чеснока. Кажется, начало было положено!

Потом его внимание привлекли мои соусы. Я дала ему попробовать каждый, расхваливая их уникальные вкусовые качества. Трактирщик был в восторге.

– Слушай, мил-девица, – он понизил голос до заговорщицкого шепота, – а рецептиками не поделишься? Я бы за такие соусы... хорошо заплатил! В моей таверне они бы нарасхват пошли!

Ага, как же, разбежалась я рецептами делиться! Моя внутренняя бизнес-леди тут же проснулась.

– Рецепты, уважаемый, – это коммерческая тайна, – я загадочно улыбнулась. – И стоят они очень дорого. Но... я могу подумать над вашим предложением. Если цена будет соответствующей. Или... мы можем договориться о регулярных поставках готовых соусов. Эксклюзивно для вашей таверны. По специальной цене, конечно.

Трактирщик задумался, почесывая свой тройной подбородок. Видно было, что мои соусы его зацепили.

– Ладно, – сказал он наконец. – Давай так. Я беру у тебя сегодня все, что есть. А насчет рецептов или поставок – мы еще поговорим. Вот мой адрес, – он черкнул что-то на клочке пергамента. – Заглядывай, как будешь в городе. Обсудим.

К концу дня мы распродали почти все соусы и весь чеснок. Усталые, но довольные, мы с Поланом и Сэмом возвращались в «Каменный Страж». В кармане у меня приятно звенели

монеты – мой первый заработок в этом мире! И пусть это были всего лишь медяки, для меня они были дороже золота.

– Ну что, леди, – Сэм одобрительно крикнул, когда мы подъезжали к поместью. – Похоже, ваша «империя» начинает строиться. Только бы лорд Вайрос об этом не прознал раньше времени. А то боюсь, как бы он нам всем... крылья не пообломал.

Я только усмехнулась. Пусть попробует. У меня на него теперь тоже есть «компромат» – его истинная жена, которая, оказывается, еще и талантливый предприниматель. Посмотрим, кто кого.

26

Война на границе с Памбеей затягивалась. Мелкие стычки, вылазки, ночные тревоги – все это выматывало, держало в постоянном напряжении. Мои легионы несли потери, но и памбейцы платили кровью за каждую пядь нашей земли. Я почти не спал, проводя дни в седле или над картами, а ночи – в коротких, тревожных совещаниях с генералами.

В один из таких серых, промозглых дней, когда морозящий дождь превратил лагерь в грязное месиво, гонец доставил мне пакет из «Каменного Стража». Я ожидал обычный отчет от Джада о состоянии дел в поместье, о расходах, о возможных проблемах с местными. Но то, что я прочел, заставило меня нахмуриться, а потом и вовсе стиснуть зубы от подступающей ярости.

Джад, как всегда сухо и по-военному четко, докладывал о недавнем покушении на... леди Тиану. Наемник, подсланный неизвестно кем, был обезврежен. Допрос, как водится, результатов пока не дал – ублюдок оказался крепким орешком. Но это была лишь часть донесения. Дальше следовало то, что заставило Зверя внутри меня недовольно зарычать, а меня самого – почувствовать, как к лицу приливает кровь.

«...кроме того, вынужден доложить, милорд, что леди Тиана Ройверс проявляет не свойственную ее положению активность. Она... занялась торговлей. Вместе с поваром Сэмом и управляющим Поланом они производят и сбывают на местном рынке некие «соусы» и чеснок, который леди считает целебным растением. Имели некоторый успех у местного трактирщика...»

Торговлей?! Моя... бывшая жена, леди из знатного рода, опозорившая меня, теперь торгует на рынке какими-то соусами и сомнительными кореньями?! Это... это было за гранью. Какой позор! Какое унижение для меня, для моего имени! Мало того, что она оказалась шлюхой, носившей чужого ублюдка, так теперь она еще и решила окончательно втоптать в грязь остатки своей (и моей!) репутации, превратившись в базарную торговку!

Я скомкал донесение, чувствуя, как дрожат руки от ярости. Зверь внутри метался, требуя немедленно лететь туда, в «Каменный Страж», и... и что? Придушить ее? Сжечь ее проклятый рынок вместе с соусами и чесноком?

«Она делает это мне назло, – пронеслось в голове. – Специально, чтобы еще больше унижить меня, выставить посмешищем!»

Я глубоко вздохнул, пытаюсь унять ярость. Нужно было действовать. И действовать немедленно. Я не мог позволить ей продолжать этот фарс.

Резко отодвинув в сторону карты, я сел за походный стол, достал лист пергамента и перо. Пальцы с трудом слушались, но я заставил себя писать. Коротко, жестко, без лишних сантиментов.

«Леди Тиана,

Мне стало известно о ваших... коммерческих начинаниях. Требую немедленно прекратить эту постыдную деятельность. Ваше поведение недопустимо и бросает тень не только на вас, но и на имя рода Вайрос, пусть вы к нему больше и не принадлежите формально. Средств, которые я выделяю на ваше содержание, должно быть более чем достаточно. Если вы не прекратите свои рыночные забавы, я буду вынужден принять более строгие меры.

Конард Вайрос, Коготь Императора».

Я перечитал написанное. Сухо, официально, но достаточно ясно, чтобы она поняла – я не шучу. Я не стал упоминать о покушении – это было отдельным делом, которым займется Джад. Сейчас меня волновала только ее недопустимая самодеятельность.

Запечатав письмо личной печатью, я вызвал одного из своих самых быстрых гонцов.

– Немедленно в «Каменный Страж», – приказал я, передавая ему послание. – Лично в руки леди Тиане. И ждать ответа.

Гонец козырнул и исчез. Я остался один, глядя на мокрое полотно шатра, по которому барабанил дождь. Ярость немного улеглась, сменившись глухим раздражением и какой-то непонятной, тянущей тоской.

Какого дьявола она творит? И почему, черт возьми, меня это так волнует?

27

После успешной поездки на рынок жизнь в «Каменном Страже» на пару дней вошла в относительно спокойное русло. Я продолжала экспериментировать с соусами, Полан ухаживал за нашими чесночными грядками, которые радовали глаз сочной зеленью, а Сэм уже строил планы по расширению «производства». Даже Джад, кажется, немного смягчился после того, как я перестала лезть в его «методы допроса» (хотя криков из подвала больше не было, и я надеялась, что тот наемник либо заговорил, либо... ну, в общем, уже не кричит).

Но спокойствие, как оказалось, было обманчивым.

Это случилось вечером, когда я сидела в малой столовой, обсуждая с Сэмом и Нилом новую идею – чесночное масло. Внезапно снаружи, со стороны внутреннего двора, раздался пронзительный свист, а затем – лязг металла и короткий, яростный мужской рык.

Мы с Сэмом и Нилом переглянулись. Сердце ухнуло куда-то в желудок. Неужели опять?!

Не успели мы и слова сказать, как дверь столовой распахнулась, и на пороге возник Джад. Вид у него был... боевой. Рубаха на плече порвана, на скуле свежая царапина, а в руке он сжимал короткий, широкий меч, с которого капала кровь.

– Леди, оставайтесь здесь! – рявкнул он, и тут же снова скрылся в коридоре.

Мы слышали топот ног, какие-то глухие удары, короткие выкрики. Нил побледнел, как полотно, и забился под стол. Сэм схватил самый большой разделочный нож и встал у двери, приняв воинственную позу. Я же, чувствуя, как к горлу подступает тошнота от страха, судорожно нащупала в кармане спасительные зубчики чеснока.

Через пару минут все стихло. Потом послышались шаги, и в столовую вошла... Вада. Спокойная, как всегда, но с какой-то хищной искоркой в глазах. В ее руке был зажат длинный, тонкий нож, который она с ловкостью фокусника метнула в ближайшую деревянную балку. Нож вошел по самую рукоять. Я невольно сглотнула. Кажется, у нашей старшей горничной тоже были свои секреты.

– Все в порядке, леди, – сказала она своим обычным ровным голосом. – Еще один любопытный решил заглянуть к вам на огонек. Джад его... обезоружил.

Следом за ней появилась Анора. Ее волосы были растрепаны, на щеке – грязное пятно, а в руке... ну конечно, что бы вы думали? Увесистый булыжник. Видимо, это было ее фирменное оружие.

– Пришлось немного... уговорить, – она смущенно улыбнулась, пряча камень за спину. – Слишком уж буйный оказался.

Я смотрела на эту троицу – Джада, только что вошедшего и вытиравшего меч тряпкой, Ваду с ее метательными ножами и Анору с ее булыжником – и понимала, что Конард оставил меня под присмотром не просто слуг, а какой-то гремучей смеси из ветеранов спецназа и амазонок. И мне от этого стало одновременно и спокойнее, и еще страшнее.

Не успела я перевести дух, как в столовую вошел еще один человек. Высокий, худой, в пыльной дорожной одежде. Гонец. Он с некоторым опасением посмотрел на нашу «боевую группу», потом на меня и, откашлявшись, протянул мне запечатанный пергамент.

– Леди Тиана Ройверс? Послание от лорда Конарда Вайроса. Мне велено ждать ответа.

Письмо от Конарда? Сердце снова екнуло, на этот раз от смеси любопытства и дурного предчувствия. Я сломала печать и быстро пробежала глазами по коротким, жестким строчкам.

«...требую немедленно прекратить эту постыдную деятельность... ваше поведение недопустимо... бросает тень... если вы не прекратите свои рыночные забавы, я буду вынужден принять более строгие меры...»

Ну, каков наглец, а?! Я тут, можно сказать, отбиваюсь от наемных убийц, которых, возможно, он сам и подослал (хотя Вада и сомневалась), пытаюсь выжить в этой дыре, куда он меня сослал, и даже, между прочим, начинаю зарабатывать себе на жизнь, а он мне – «постыдная деятельность»! «Рыночные забавы»! Да он... он...

Злость захлестнула меня такой горячей волной, что я едва не задохнулась. Руки сами собой сжались в кулаки.

– Ответа, значит, ждет? – прошипела я, глядя на гонца так, что тот невольно попятился. – Будет ему ответ!

Я метнулась к столу, схватила чистый лист пергамента (Сэм предусмотрительно держал их на кухне для моих «рецептов») и перо. Мои пальцы летали над бумагой, выплескивая все мое негодование, сарказм и откровенные пожелания, куда именно лорд Вайрос может засунуть свои требования и свои «строгие меры». Я прошлась по его «благородству», по его «заботе» обо мне, по его «щедрости» (которой я, к слову, еще в глаза не видела) и, конечно, по его манере решать проблемы через угрозы. Получилось коротко, емко и, как мне показалось, очень доходчиво.

Закончив, я свернула пергамент, небрежно перевязала его какой-то бечевкой, которую нашла на столе, и, подойдя к все еще испуганно взиравшему на меня гонцу, сунула ему письмо в руки.

– Вот. Передай своему... лорду. И скажи, что если у него еще будут какие-то «требования», пусть сначала научится писать письма вежливо. А то от его высокомерия у меня даже чеснок вянет.

Гонец, округлив глаза, схватил мое «послание» и, пробормотав что-то нечленораздельное, пулей вылетел из столовой, а затем и из дома. Кажется, он решил не задерживаться в этом гостеприимном поместье ни на минуту дольше.

Сэм, Нил, Вада, Джад и Анора молча смотрели на меня. На их лицах было написано такое... смешанное выражение – от шока до плохо скрытого восхищения, – что я не выдержала и рассмеялась.

– Ну что? – спросила я, вытирая выступившие от смеха слезы. – Кто-нибудь хочет чаю? Или, может, по соточке моего «Драконьего Поцелуя» для храбрости? Кажется, вечер перестает быть томным!

28

Гонец вернулся быстрее, чем я ожидал. И вид у него был такой, будто он спасался от стаи голодных волков, а не просто доставлял ответное послание. Он молча протянул мне небольшой, небрежно свернутый клочок пергамента, перевязанный какой-то замызганной бечевкой, и тут же постарался незаметно ретироваться. Я едва успел его остановить.

– Что-нибудь еще, леди Тиана... передавала? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри уже начинал закипать котел с яростью.

Гонец нервно сглотнул.

– Она... она велела передать, милорд, чтобы вы... э-э-э... сначала научились писать письма вежливо. А то от вашего высокомерия... у нее даже... э-э-э... чеснок вянет.

Чеснок?!

Я отпустил гонца, который тут же испарился, и с недобрый предчувствием развернул ее «ответ».

«Его Грозному и Ужасному Высочеству, Лорду Конарду Вайросу, Когтю Императора и, по совместительству, специалисту по написанию угроз и ультиматумов,

Снескрываемым (нет) трепетом ознакомилась с Вашим высокопарным посланием. Особо тронули Ваша отеческая забота о моей «постыдной деятельности» и переживания о «тени на имени рода Вайрос». Уверяю Вас, милорд, тень от моих скромных рыночных успехов куда менее густая, чем тень от некоторых Ваших... э-э-э... методов решения семейных проблем. Например, тех, что включают публичные обвинения, изгнание и ритуалы с раскаленным железом. Но это так, к слову.

Что касается Ваших «требований» немедленно прекратить мои «рыночные забавы»... Знаете, милорд, эти «забавы», как Вы изволили выразиться, позволяют мне чувствовать себя чем-то большим, чем просто ссыльной узницей в Вашей крепости. Они дают мне цель и ощущение собственной значимости, чего, увы, не скажешь о Вашем «щедром содержании». Да, я знаю, что Вы выделяете какие-то средства, и Джад, без сомнения, купит мне все необходимое, стоит только попросить. Но мне не нужна Ваша милость, милорд. Мне нужна свобода действовать и возможность самой распоряжаться своей жизнью (насколько это возможно в предложенных Вами «курортных» условиях).

Представьте себе, милорд, мои «забавы» даже приносят некоторую прибыль! И эти деньги – мои. Не подачка от лорда, который считает меня шлюхой и изменницей, а честно заработанные средства. И это чувство, уверяю Вас, стоит гораздо дороже любых Ваших «более чем достаточных средств на содержание».

Посему, с глубочайшим (опять нет) уважением, вынуждена отклонить Ваши «требования». Мои «коммерческие начинания» будут продолжаться. Они – мой способ сохранить рассудок и самоуважение в этой дыре, куда Вы меня так любезно сослали. И если Вас так беспокоит тень на имени рода Вайрос, могу предложить простое решение: не ассоциируйте меня с этим именем. Вы же сами от меня так яростно открещивались, не так ли?

А что до Ваших «более строгих мер»... Ох, как страшно! Прямо колени дрожат! Неужели Вы собираетесь прислать еще одного лекаря с волшебными камушками? Или, может, решите лично навестить меня и продемонстрировать всю глубину своего драконьего гнева? Что ж, милости прошу. Только захватите с собой побольше чеснока. Говорят, он отлично помогает от... некоторых видов нечисти. И, кстати, прекрасно идет под мои соусы.

А свои «требования» и «строгие меры», милорд, Вы можете... ну, скажем так, использовать для каких-нибудь более полезных дел. Например, для подтирания пыли с Вашего непомерно раздутого эго. Им там самое место.

С наименьшими из возможных почтений (и то с натяжкой),

Та самая, которая «бросает тень» и «забавляется на рынке»,

леди Тиана Ройверс (слава всем богам, что девичья фамилия возвращается после развода!).

P.S. Если решите писать еще, милорд, постарайтесь быть чуть вежливее. А то от Вашего высокомерия у меня действительно чеснок вянет. А он мне еще пригодится.

Я дочитал, и руки сами собой сжались, сминая пергамент. Ярость поднималась из глубины души, горячая, обжигающая. Как она смеет?! Как эта... эта девчонка, эта шлюха, смеет так со мной разговаривать?! Каждое слово, каждая издевательская строчка были как пощечина.

Но сквозь ярость, сквозь праведный гнев, я вдруг уловил... ее запах. Едва заметный, тонкий, но такой узнаваемый. Он исходил от пергамента, от чернил, которыми было написано это издевательское послание. Запах полевых цветов, нагретой солнцем травы и... чего-то еще. Чего-то неуволимо-пряного, будоражащего.

И Зверь внутри... он отреагировал. Но не так, как я ожидал. Вместо яростного рыка, вместо требования разорвать ее на куски, он... он довольно заурчал. Тихо, глубоко, так, что у меня по спине пробежали мурашки. Этот наглый, дерзкий ответ, это ее непокорство, ее вызов – все это, к моему ужасу, ему понравилось. Дракон внутри меня, этот древний, первобытный хищник, оценил ее силу, ее дух. И его одобрение было почти осязаемым. Это урчание, вибрирующее в груди, было на грани слышимого, и я с трудом сдержался, чтобы не издать этот звук вслух.

Мне стоило немалых усилий, чтобы подавить это неуместное урчание, чтобы снова взять Зверя под контроль. Но его реакция, его... удовольствие от ее дерзости, еще больше взбесили меня.

Значит, она решила, что может так поступать? Что может игнорировать мои приказы, высмеивать меня, да еще и заниматься этой своей постыдной торговлей, позоря мое имя? Нет. Этому нужно положить конец. И как можно скорее.

Я скомкал ее письмо, чувствуя, как по венам разливается холодная, решительная ярость. Она забыла, кто хозяин в ее доме. Она забыла, кто такой Конард Вайрос. Что ж, придется ей напомнить. Лично.

Я вышел из шатра. Ночь уже опустилась на лагерь, но небо на востоке только начинало светлеть. Дождь прекратился, оставив после себя лишь сырость и промозглый холод. Солдаты спали, лишь часовые мерно вышагивали на своих постах.

Я отошел подальше от лагеря, туда, где меня никто не мог видеть. Закрыв глаза, позволяя Зверю внутри взять верх. Тело ломило, кости трещали, кожа растягивалась, покрываясь чешуей. Боль была привычной, почти незаметной. Через мгновение на месте человека стоял огромный, антрацитово-черный дракон.

Я расправил могучие крылья, ощущая, как ветер треплет чешую. Взмыл в предрассветное небо, оставляя внизу спящий лагерь и незавершенную войну. Сейчас меня волновало только одно.

Эта маленькая, дерзкая мерзавка в «Каменном Страже».

И я летел к ней, чтобы дать понять, кто здесь главный.

29

После моей эпической переписки с его драконьим высочеством Конардом (ответа на мое пламенное послание, кстати, так и не последовало, что меня одновременно и радовало, и немного настораживало), жизнь в «Каменном Страже» на какое-то время снова вошла в свою колею. Я усердно занималась «бизнесом» и магическими тренировками, стараясь не думать о возможных «строгих мерах», которыми грозился мой бывший (и, как оказалось, возможно, будущий... ох, даже думать не хочу!) супруг.

Через несколько дней после нашей успешной вылазки на рынок, в поместье появился тот самый пузатый трактирщ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.